

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 48

**«История Победы:
война историй»**

к 65-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Никитский клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ заявил о своей публичной деятельности в марте 2000 года, в июне того же года получил юридический статус. Название «Никитский», с одной стороны, связано с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи, оказавшей неоценимую поддержку в создании Клуба и организации его встреч, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Юрьевым — отцом патриарха Филарета. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России: князя Юсуповы, графы Толстые, А. В. Суворов, В. И. Вернадский, П. И. Чайковский, представители крупного московского купечества, промышленники, фабриканты. Сохранились памятники архитектуры, авторами которых были М. Ф. Казаков, Д. И. Жилярди, К. В. Терский, др. На Никитском бульваре в XIX веке размещался сначала Коммерческий, затем Государственный банк (в здании Музея Востока). В этом районе по сей день находятся научные, культурные учреждения, формируется современный деловой центр.

От редактора

Заседание в честь 65-летия Победы было отмечено какой-то особой сосредоточенностью и одновременно высокой эмоциональностью. Передать на письме настроение в полной мере трудно, но в данном случае его можно ощутить хотя бы по аплодисментам, удостоившим отдельные выступления, что обычно не принято на наших обсуждениях.

Тема войны никогда ранее не обсуждалась в клубе. Впрочем, и сейчас этот разговор состоялся не столько о Великой Отечественной, сколько по поводу оценок и отношения к войне сегодня. И если, по словам поэта, «на войне сюжета нету», то возникают всё новые интерпретации её итогов. В том числе не в пользу безусловности Победы. На заседании звучали слова и с оттенками гордости, и проникнутые горечью. «Имеем статус победителей, — сказал Л. Аннинский, — а ситуация в мире такая, словно мы эту войну проиграли».

Но победителей не судят, пока победители остаются сильными. Не войну тогда проиграли — в мирной жизни мы далеко не всегда выигрываем. Отсюда — критический взгляд на военные события, призыв к «широкой рефлексии», к историческому анализу победы как фактору послевоенной судьбы страны-победительницы (С. Секиринский). Признавать свои изъяны должно — достойно ли делить вину в них с теми, кто завоевал Победу, разменивая память о ней?

Современный питерский писатель А. Мелихов в статье «Священная война» («Известия». 2008) пишет, что Виктор Некрасов, Казакевич, Гроссман, Василь Быков, Бондарев, Бакланов, Константин Воробьев, Курочкин, Астафьев, другие прошедшие войну писатели, ни в подцензурном, ни в нецензурном слове ни разу не усомнились как в целях войны, так и в огромной ценности достигнутой победы. Сколько бы они ни разоблачали глупость командования, бессмысленную жестокость и подозрительность «органов», воровство интендантов, война все равно оставалась для них великим историческим событием, причастностью к которому можно только гордиться.

«Представьте себе, что Советский Союз проиграл бы войну» — обратился к собранию президент клуба С. Капица. Не было бы не только России, — следовало из выступлений тех, кто на минуту представил себе это.

Наталья Румянцева

Круглый стол

«История Победы: война историй»

22 апреля 2010 г.

Участники обсуждения:

Аннинский Лев Александрович,

писатель, публицист

Арензон Евгений Рувимович,

литературовед, писатель, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН

Бьюгин Олег Вячеславович,

председатель Совета директоров Объединённого банка ОАО
«МДМ-Банк», председатель экономической секции Никитского клуба

Голубев Александр Владимирович,

руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института
русской истории РАН

Исаев Алексей Валерьевич,

Институт военной истории Министерства обороны

Капица Сергей Петрович,

президент Никитского клуба, почётный профессор МГУ
им. М.В. Ломоносова

Кирилл, епископ Павлово-Посадский,

наместник Донского ставропигиального мужского монастыря,
викарий Московской епархии

Кондаков Василий Георгиевич,
вице-адмирал, член Клуба адмиралов

Невежин Владимир Александрович,
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Рубцов Александр Михайлович,
заместитель генерального директора по научно-просветительской работе Театрального музея им. А.А. Бахрушина, заслуженный артист РФ

Секиринский Сергей Сергеевич,
профессор Государственного академического университета гуманитарных наук при РАН

Тамбовцев Виталий Леонидович,
профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Турков Андрей Михайлович,
литературовед, писатель, критик

Хотиненко Владимир Иванович,
режиссёр, актёр, сценарист

Шумейко Игорь Николаевич,
историк, писатель

Элинский Евгений Вадимович,
вице-президент ММВБ

Заседание вели **С.П. Капица, О.В. Вьюгин.**

Приложение:

Феликс Разумовский. «„Не в силе Бог, а в правде“. Великая Отечественная Война и судьба русского национального самосознания».

С. П. Капица

Дорогие коллеги, уважаемые гости Никитского клуба! Сегодня мы проводим совместное заседание с Московской межбанковской валютной биржей по поводу предстоящего 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Тему заседания мы назвали «История Победы: война историй». Думаю, не нужно объяснять, почему: эта проблема занимает многих и в разных аспектах, появляются различные интерпретации военных событий и итогов Второй мировой войны.

Я бы хотел, чтобы мы последовательно подошли к этой проблеме и постарались, если так можно выразиться, обратиться к метаисторическому подходу: не говорить о деталях, об исторических подробностях, а постараться понять общую картину, выводы, которые мы можем сделать из прошедших событий. Этому как-то мало уделяют внимание, утопая в деталях, а из деталей, как известно, очень трудно конструировать целостную картину.

Я немного занимался демографией времен Первой и Второй мировых войн. Между 1914 и 1945 годами совершенно чётко прослеживается провал систематического роста населения Земли. Оценка этого провала составляет порядка 8–9–10% населения. Если проинтегрировать этот провал (кривая удивительным образом вернулась на исходную траекторию), общие потери составили 250–280 миллионов человек — в два раза больше, чем отмечено в учебниках истории.

Это означает, что каждый день потери человечества составляли 14 000 человек, в армейских терминах — одна дивизия в день. Это, конечно, не дивизии, а недород людей, ранние смерти, детская смертность, всё, что связано с болезнями и пр. От одной «испанки», по последним данным, в 1919 году погибло 40–50 миллионов населения (может быть, эти цифры преувеличены, поскольку раньше говорили о 20 миллионах). Мой отец так потерял свою первую семью, когда в течение месяца умерли его отец¹, жена моего отца и двое его детей от первого брака. Для него это было крушением всей жизни. Это как деталь, иллюстрирующая масштаб явлений.

Вторая мировая война была в прямом смысле мировой — до этого таких войн по охвату территории и людей не было. Я думаю, что даже

---

¹ Капица Леонид Петрович (1864–1919) — генерал-майор инженерного корпуса, окончил Николаевскую инженерную академию в Петербурге; служил в Кронштадте, строил кронштадтские форты.

С. П. Камца

и не будет, если довериться оптимизму истории. Мне, во всяком случае, хотелось бы так считать.

Сейчас люди увлечены всякими альтернативными историями типа «что было бы, если...». Так вот представьте себе, что Советский Союз проиграл бы войну. Была бы хорошая погода в октябре 1941 года, какие-то другие обстоятельства. О таком сценарии мало кто задумывается. Известно, что случилось с Восточной Европой при оккупации. То же самое было бы и с нами, может быть, ещё хуже. Я думаю, что было бы ещё хуже, во всяком случае, установки Гитлера были вполне ясными, и они наверняка были бы приведены в исполнение. Изменился бы распорядок сил в Европе и в мире. Гитлер, несомненно, умножил бы свою мощь.

Что бы делала Америка? Два сценария: либо она замкнулась бы в себе, либо включилась в войну и всё-таки воевала за идеалы мира, потому что Англия тоже могла быть оккупирована, и Гитлер царствовал бы во всей

Европе. Единственное, что могло бы спасти ситуацию, стать решающим козырем в первую очередь в победе американцев, это наличие ядерного оружия. Оно не подоспело быть использованным во Второй мировой войне. Был первый аккорд какой-то виртуальной войны будущего — тогда это оружие стало инструментом больше устрашения, чем ведения войны. Но в 1945 году при таком раскладе, о котором я сказал, атомное оружие могло бы превратиться в очень существенный фактор войны. Это очевидно сейчас из того, что нам известно. У немцев его не было. Американцы усиленно готовились, и первые испытания были осуществлены, вы знаете это, уже до окончания войны в Тихом океане, но после победы в Европе.

С другой стороны, я бы хотел сказать, о чём неоднократно говорил раньше здесь: война в итоге стала войной экономик. Экономическое могущество и Советского Союза, и противостоящего Гитлеру блока было решающим в победе. Видимо, не случайно, что мы заседаем и обсуждаем эту тему в одном из основных финансовых центров нашей страны (в здании ММВБ. — *Ред.*).

Вместе с тем в мире была развитая промышленность, техника — я об этом говорил, и напомним: XIX век породил бездымный порох, нарезное оружие, пулемёт, стальные пароходы, стали появляться автомобили. Была вся техника, которая затем использовалась сначала в Первой, а затем во Второй мировой войне. Была транспортная инфраструктура. Российские железные дороги, которые начинались в Европейской части и покрывали её довольно современной даже по нынешним временам сетью, были решающим фактором в выигрывании войны на Балканах, когда мы могли быстро снабжать фронт необходимыми ресурсами. Не говоря о том, что тогда же была построена Транссибирская магистраль, которая обеспечивала наше присутствие на всём азиатском пространстве, в сибирской части нашей страны. Об этих факторах мне хотелось сегодня напомнить.

Я здесь говорил об этом, но позволю себе напомнить об очень любопытном сочинении, столетию со дня выхода в свет которого несколько лет назад была посвящена специальная сессия в Петербурге, — это книга Блюха² о войне («Будущая война и её экономические последствия»,

---

²Блюх Иван Станиславович (1836–1901) — банкир, концессионер железных дорог в Российской империи; меценат, учёный, деятель международного мирного движения (см. подробнее вып. № 43 Никитского клуба «Витте и модернизация России»).

1898 г. — *Ред.*). Блюх, выражаясь современным языком, был некий олигарх, польский железнодорожник, который построил большую сеть железных дорог в Европейской части России, сотрудничал с Витте до его назначения на высокие государственные должности. Блюх первым, по-видимому, понял, во всяком случае написал об этом с большой ясностью в шести томах книги о войне, как технические, инфраструктурные факторы, появившиеся в конце XIX века, коренным образом изменят контуры грядущей войны. По существу, он с совершенно удивительной для того времени полнотой предсказал, что это приведёт к крушению политического строя многих стран Европы и к тому итогу, который нам теперь хорошо известен.

У Блюха была ещё одна вещь, о которой мы редко вспоминаем, но о которой надо было бы напомнить. Он обладал большой силой внушения, как-то влиял на людей, у него был доступ к царскому дому, он хорошо знал наследного принца, будущего царя Николая II, и его жену, и он убедил их, что войне нужно противопоставить какую-то законодательную основу в рамках международного права. Известные Гаагские конференции — одна в конце XIX века, другая в начале XX века — были инициативой царского правительства, инициативой молодого русского царя Николая II.

Это были, может быть, первые наиболее удачные международные соглашения, которые впоследствии влияли на подходы к войне, несмотря на её возрастающие зверства. Первая мировая война и Вторая мировая война, исторически сливающиеся в одну, были тотальными войнами с полной мобилизацией сил. Я думаю, сейчас возможность таких войн ослабевает. Идея Клаузевица³ о том, что война есть продолжение политики иными средствами, не годится. Средства есть, а результатов нет: множество танков, авиация и атомное оружие не спасли нас от изменений и раздела даже нашей страны. Армейская сила сейчас практически не влияет на внешние события. Армия стала в основном бороться на внутреннем фронте, а не на внешнем, и то с трудом справляется со своими обязанностями.

Мне хотелось бы напомнить именно об этих факторах как основе нашей дискуссии. Некоторые из них я заострил, чтобы обозначить такой метаисторический подход, я позволю себе употреблять этот термин,

---

³ Клаузевиц Карл (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал.

который помог бы нам понять более объективные корни процессов, лежащих в основе войны, — социальных, в первую очередь экономических. Понять объективные корни процессов, связанных даже не столько с идеологией, сколько с экономикой стран, которая стала по существу мощнейшим фактором войны. Я бы хотел это подчеркнуть, чтобы как-то повлиять на акценты, потому что, если мы будем углубляться в детали и объяснение локальных причин, — это не способ объяснения истории. С моей точки зрения, нам надо думать на каком-то более высоком уровне абстракции, и это может позволить понять то, что есть, а главное — что нам предстоит.

Я неоднократно в этом зале говорил, что сейчас происходит коренное изменение развития человечества. Оно связано с демографической революцией, демографическим переходом. Ломается сам процесс воспроизводства населения мира. Мы переходим в мир с постоянным, а не быстро растущим населением, причём этот стремительный переход охватывает весь мир с необычайной остротой. Здесь кризис доверия, кризис управления, кризис семьи и государства, кризис идеологии, вернее её отсутствие, — всё это следствие такой скорости развития. Это надо понять, а не предаваться пессимизму, который сейчас так моден. А от позитивного понимания происходящего всё-таки с какой-то надеждой смотреть в будущее, потому что, повторяю, пессимизм в этом отношении плохой союзник.

Жорес Алфёров, мой старый друг, говорил, что у нас страна оптимистов, потому что все пессимисты уехали. На такой радужной ноте я передаю слово для приветствия Евгению Вадимовичу Эллинскому, вице-президенту ММВБ.

Е. В. Эллинский

Спасибо, Сергей Петрович, я скажу очень коротко. Мы очень благодарны, что Никитский клуб регулярно проводит в наших стенах интересные дискуссии и обсуждения и собирает для этого много интересных и уважаемых людей.

Сегодняшняя тема заседания в преддверии 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, безусловно, очень актуальна и важна для всех нас. От имени руководства ММВБ я приветствую всех и поздравляю с наступающим праздником Победы, и не занимая времени, хочу предоставить больше возможности выступить присутствующим здесь ученым, историкам, которые наверняка разовьют акценты, о которых упомянул Сергей Петрович.

Е. В. Эллинский

О. В. Вьюгин

Я хочу высказать одну мысль. Наверное, когда мы говорим о войне, об этой войне, 65-летие которой скоро наступит, мы часто пугаем политический аспект и моральный. Когда это путается, то всегда получается непрозрачная дискуссия, больше похожая на спор, чем на разговор.

Мне кажется, эти аспекты нужно разделять, потому что политики, конечно, всегда используют исторические факты, иногда их даже искажают, чтобы достичь конкретных политических целей. Это их работа. Наверное, их трудно обвинять в том, что они так делают.

Л. А. Аннинский

Мы их простим за это, да?

О. В. Выюгин

О. В. Выюгин

Я думаю, просто, может быть, даже не надо о них говорить. Есть моральный аспект. Он гораздо более сложный, потому что, понимаете, тогда надо отвечать на такие очень сложные вопросы, как например: против фашизма воевали и Советский Союз, и американцы, и англичане — воевали по-разному, но почему в Советском Союзе понадобились репрессии, чтобы победить в этой войне, а в других странах, которые тоже причисляют себя к победителям, такое не понадобилось?

Это скорее моральный вопрос о цели и средствах. Я его задал, поскольку он меня всегда интересовал, но на него очень трудно ответить. Кажется, всё очень просто: кто-то плохой, кто-то хороший, руководство не было достаточно мудрым, не сумели во внешней политике принять правильные решения. Может быть. Но вопрос очень сложный.

Мне кажется, нужно меньше говорить о политике. Я ни в коем случае не хочу навязывать свою точку зрения, но по моему личному ощущению, если мы будем больше говорить о моральном аспекте и основываться на фактах, то это будет более человечный разговор и менее политизированный.

С. П. Капица

Тем более что история — наука прикладная: её прикладывают ко времени написания (смех в зале. — *Ред.*). Это осуществление именно того, о чём Вы говорили. Поэтому если мы будем придерживаться метаисторического подхода, нам удастся подняться над этими страстями.

О. В. Вьюгин

Попробуем.

С. П. Капица

Попробуем. Кто начнёт первым? Лев Александрович Аннинский, пожалуйста, Вам слово.

Л. А. Аннинский

Согласившись начать дискуссию первым, я не чувствую за собой права быть первым в этом собрании.

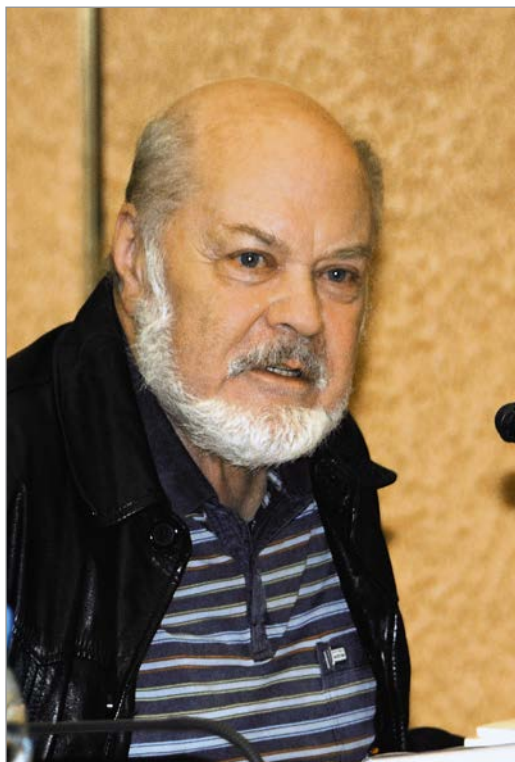
Во-первых, я не участник войны. Я лишь спасённый, из сиротского поколения, безотцовщина. Во-вторых, по образованию я не историк. В-третьих, всё, что я наблюдаю в журнале, где работаю, а этот журнал историософский⁴, как раз меня и отталкивает от того, чтобы выяснять, где Манштейн⁵ спрятал резервы и не воспользовался ими, или что надо было делать с Бадаевскими складами⁶, чтобы не спалить их, и т.д. Горы фактов перелопачиваются и спускаются друг на друга лавинами. Вопрос сейчас не в этом, всё это можно ещё не раз перелопачивать. Вопрос

---

⁴ Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина».

⁵ Эрих фон Манштейн (1887–1973) — немецкий фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн.

⁶ Бадаевские склады — склады имени А. Е. Бадаева, комплекс деревянных складских помещений, построен в Петрограде в 1914 г. купцом 1-й гильдии С. И. Растеряевым. После октября 1917 г. использовался для хранения запасов продовольствия. В начале блокады Ленинграда склады подверглись бомбёжке, из-за чего город лишился части своих продовольственных запасов.

Л. А. Аннинский

в другом: какой во всём этом был смысл, зачем всё это было сделано? Кто виноват и что в результате получается?

От того, какую концепцию Второй мировой войны мы примем, зависит, как мы представим себе будущее человечества. И глянув оттуда назад, посмотрим, ну и что же это было и кто ж был прав — американцы? немцы? русские?

Тогда я задаю провокационный вопрос: а кто был прав — троянцы или ахейцы? Вопрос из серии «ты за большевиков али за коммунистов?» А нам не всё равно? Да нет, конечно. Одни сочувствуют Гектору, — Жан Жироду даже целую пьесу⁷ написал из сочувствия к Гектору, — другие говорят, Ахилл был такой хороший парень, он был сильнее. Что значит сильнее? Кто из них выиграет, решалось там, наверху: весы были у Афины (богиня войны и победы в древнегреческой мифологии. — *Ред.*).

---

⁷ Жироду Ипполит-Жан (1882–1944) — французский новеллист, эссеист, драматург, дипломат. Имеется в виду пьеса «Троянской войны не будет».

Но наши симпатии определяет теперь общее отношение к каждой из сторон. Вариант — троянцы или ахейцы? Спарта или Афины? Если вам ближе воинская этика и спортивная дисциплина, вы выберете спартанцев, если вам милее непредсказуемость и артистизм демократии, — выберете афинян, а кто там кому когда накостылял, и вникать не будете: слишком далеко! Кто теперь решит — Афина с её весами?

Но я спрашиваю, а кто решал всё, что произошло в XX веке с нами, с человечеством? Конечно, можно подумать, как сказал Сергей Петрович, что решала экономика. Наша экономика оказалась сильнее немецкой? Не знаю, у меня ощущение, что решало другое. Человечество, вслепую бьась об углы, решало: всё будет таким раздрызганным и многообразным, как мы предлагали, — такой интернационал, — или всё онемеется под одну гребёнку, под германский салтык, потому что немцы лучше всех работают? Всё так, а мы лучше всех все друг друга любим! Ну так кто должен был выиграть? И какой смысл у этой войны должен был быть в результате?

В результате мы сейчас имеем статус победителей, а общая ситуация в мире такая, словно мы эту войну проиграли. Сталин очень хотел быстрее взять Берлин, уложил вместе с Жуковым кучу народа, чтобы скорее взять Зееловские высоты, чтобы поспеть раньше американцев. Пospел! Где теперь тот Берлин и где мы? Так спрашивается, из-за чего тогда мы в прения-то вступаем? Что мы можем сделать со всем этим, если всё решается где-то там, на весах у Афины или в постели у Зевса. А мы что такое? Мы вообще не понимаем, что с нами происходит? Или только задним числом начинаем соображать, что случилось?

Столько и будет противоречивых, противоречащих, сталкивающихся концепций Второй мировой войны, сколько будет заинтересованных групп, лиц, народов и т. д. Никакой общей оценки не получится.

Что поляк запомнит больше всего из Второй мировой войны? Катынь, Варшавское восстание⁸, Монте-Кассино⁹. А что запомнит еврей? Бабий

---

⁸ Антинацистское восстание в Варшаве 1 августа–2 октября 1944 г., организованное командованием Армии Крайовой и представительством польского правительства в изгнании.

⁹ Монастырь бенедиктинцев на скалистом холме в Италии близ городка Кассино; в боях при Монте-Кассино в мае 1944 г. поляки понесли большие потери.

яр, Освенцим, может, ещё Кельце¹⁰. А мы, русские, запомним Сталинград, блокаду Ленинграда, Москву, спасённую в 41-ом, — вот это мы запомним. А немцы запомнят бомбёжку Дрездена. И вы никогда и никак не сведёте всё это к одному знаменателю! Потому что болит у всех разное, и все, у кого болит, не могут стать всечеловеками, хотя мы очень пытаемся всечеловеками стать, нас ещё Достоевский этому учил. Никогда не получится, пока человечеству в конце концов не станет всё равно, кто там выиграл эту самую чёртову мировую войну, также как с ахейцами и троянцами: теперь уже не важно, кто там победил или проиграл. Но пока живы люди, у которых это болит, болеть будет разное у всех. И вы никогда не убедите никаких историков сказать: «Нет, ты встань на общую позицию и перестань защищать своих».

Я буду защищать своих. Я знаю, что я субъективен. Я знаю, что другой будет защищать другое. Я лучше дам ему возможность защищать своё. Мы будем защищать разное, мы будем защищать разные концепции войны. Один скажет, что дело всё решалось в ливийской пустыне, другой — что дело всё в Пёрл-Харборе. А я скажу, нет, дело решалось на Невском проспекте: кушал ли блины Жданов или нет? И никогда мы не найдем общего знаменателя, потому что этот общий знаменатель будет нулевой. И кровавый.

Ну и что делать? Дать возможность всем рассказать, что у них болит, — вот это неизбежно. Нужно понять, что люди иначе не умеют переживать, не умеют выдержать историю. Вот только так. И это надолго. Пока не станет всё равно нашим пра-пра-правнукам. А пока не стало всё равно, я точно говорю: я защищаю своих! И мне, чтобы перестать защищать своих, нужно их предать.

Почему, кстати, Олег Вячеславович [Вьюгин], Вы спросили, зачем русским нужен был такой дикий террор, чтобы выиграть войну, и почему у американцев такого террора не было? У меня есть очень горький ответ на этот вопрос: потому что у нас в крови сидит предательство, которого мы боимся. У нас у каждого в крови дышит потомок Курбского, который полемизировал с Иваном Грозным. А почему у нас больше всего этого? Потому что рыхлая наша душа возникла из всех смешавшихся тут этносов. Державу тут пытались сделать очень многие железные люди, включая Железного Хромца и начиная с Чингисхана.

---

¹⁰ Имеется в виду самый крупный послевоенный погром еврейского населения в г. Кельце (Польша) 4 июля 1946 г.

И только сталью и железом можно было сплотить этот любвеобильный, этот рыхлый народ, не подчиняющийся ни самому себе, вообще никому.

Нам, увы, пришлось создать эту жуткую террористическую систему, чтобы выиграть войну. А иначе мы бы её проиграли, и было бы приблизительно то, о чём говорил сейчас Сергей Петрович. В конце концов было бы приблизительно то же самое, но просто мы говорили бы по-немецки. Впрочем, не мы уже, а то, что от нас оставили бы победители.

И последнее, что я могу сказать на эту тему. Разумеется, дай Бог, чтобы всё это не повторилось. Дай Бог, чтобы вопросы решались не так, как они решались на протяжении прежней истории. Вот рядом со мной сидит замечательный учёный Игорь Шумейко, который выдвинул понятие Большой войны. Я не знаю, действительно ли это Ваша (обращение к Шумейко. — *Ред.*) находка: нет ничего страшнее ситуации Большой войны, когда народ согласен с тем, что или его уничтожат таким вот образом, или он сам себя уничтожит другим образом. И что в результате? В результате то, что мы сейчас имеем.

Отвечу на вопросы, которые я получил в приглашении на заседание. «Почему переписывается история?». Отвечаю: потому что всякое новое поколение, спрашивая самого себя, что у него болит, обнаруживает, что болит что-то другое, — у него или у его собеседников.

«Почему она переписывается безнаказанно?». Потому что не хватает сил всех наказать, а придется наказывать всех — то в прямом, то в обратном порядке.

«Есть ли в истории правда безусловная или только условная?» В ходе истории — условная, и только условная! А в смысле истории — в мета-истории, в сверх-истории есть какая-то правда, которую мы никогда не узнаем, потому что она взвешивается вон там на весах, которые мы сами выдумали. Поэтому приходится философам эту безусловную правду в воздухе очерчивать, а когда начинаешь её очерчивать конкретно, то получается условная то ли правда-истина, то ли правда-справедливость. Какая справедливость, когда огромное количество людей, классов, народов, не знаю, кого ещё, кричат, что они лучше знают, где истина, потому что их убили больше или потому что они убили больше!?

«Есть ли история вообще или она своя у каждого народа, племени, субъекта?». У каждого — своя. А в общем получается то, о чём мы сейчас говорим: конец света или не конец света, конец человечества или нет;

будет ли ещё одна последняя, то есть Большая война, или обойдемся малой кровью — взрывами в метро и всеобщей дозируемой ненавистью. Очень интересный вопрос! Может, и обойдёмся. А если не обойдёмся, то и вопроса не будет. Некому будет спрашивать и отвечать.

С. П. Капица

Лев Александрович сделал, по-моему, очень важные замечания, и они как-то перекликаются с тем, о чём я говорю, — попытка перейти на мета-исторический уровень в дискуссии.

Следующим я попрошу выступить Игоря Николаевича Шумейко, историка, публициста.

И. Н. Шумейко

«Война и мир... и война». Такой постльватолстовский слоган накрыл Советский Союз примерно в 1945–1946 годах; «... и война» — имелась в виду уже Холодная война, война историй, что ближе к теме нынешнего собрания. Сегодня мы уже в немного абсурдной ситуации, потеряв Ялту как город, должны, тем не менее, стоять за «Ялту» как систему¹¹, должны восстановить справедливость.

Некая светская дама леди Асквит, жена британского премьер-министра времён Первой мировой войны лорда Асквита¹², в 1930-х годах на одном из светских раутов подвела разговор к тому, чтобы её спросили, где родился Гитлер — в Австрии или в Германии? Вызвав интерес присутствующих, она сказала: «Гитлер родился в Версале»¹³.

---

¹¹ Ялтинская конференция (Крымская) союзных держав (4–11 февраля 1945 г.) — стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании, посвящённая установлению послевоенного мирового порядка.

¹² Лорд Оксфорд и Асквит Герберт Генри (1852–1928) — английский государственный деятель, один из лидеров Либеральной партии, 52-й премьер-министр Англии (1908–1916).

¹³ Намёк на Версальский мирный договор (1918), официально завершивший Первую мировую войну 1914–1918 гг. Считается, что условия этого договора (отторжение ряда завоеванных территорий и колоний Германии в пользу держав-победительниц, ограничение военной силы Германии) были унижительными для Германии, что привело к социальной нестабильности внутри страны (после начала мирового экономического кризиса в 1929 г.), возникновению ультраправых сил и приходу к власти нацистов во главе с Гитлером (1933 г.), обещавшим простым немцам социальные блага и возрождение величия Германии, утерянного с подписанием Версальского договора.

Ялтинскую конференцию часто называют грубым, циничным мероприятием, сговором. В подоплёке критики чисто сублимационный мотив: когда неудобно лишний раз ругнуть Россию, ругают «Ялтинскую систему». Да, грубое, циничное мероприятие, если сравнивать Ялтинскую конференцию, допустим, с Вудстоком¹⁴ или Барселонской Олимпиадой¹⁵. Но корректно её сравнивать только с Версальским договором, результат которого — Вторая мировая война. А результат «Ялты» — разработанная стратегия выхода из Холодной войны.

В хоре критиков легко различить два голоса: эдакие дискант пацифистов и фальцет лимитрофов¹⁶. Восточноевропейские лимитрофы после Версаля получили целый набор сувенирных суверенитетов, а после Ялты его лишились. Да, концепция сфер влияния, одобренная Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным, по определению лишала эти страны полных суверенитетов. Но корректный анализ этого хора лимитрофов требует вспомнить, как мировая ситуация сползала к мировой войне...

Главное празднично-парадное мероприятие в Европе не совпадает по кратности с нашим 1945 годом. У них отсчет идёт от 1944 года — открытия Второго фронта, и они отмечают юбилеи, кратные десяти. В 2004 году Россию на этот парад позвали. По этому поводу у меня есть довольно злобное эссе: «Гитлер как трастовый управляющий ЗАО Европа».

Как известно, в 1994 году Россия не была удостоена приглашения на парад европейской Победы. Что же изменилось — открылось что-то сенсационное? За эти десять лет они, наконец, узнали, что была Сталинградская битва? Или в 1994 году Россия была так неприглядна, и они, эстеты, не хотели бы видеть, как наш пьяный президент вдруг попытается стать тамбур-мажором на параде? Или, наоборот, они такие прагматики, что при цене 250 долларов за баррель нефти позовут в «герои Второго фронта» и Кувейт с Эмиратами?

Здесь-то как раз и проявляется, что всё дело в интерпретации. Как известно, создана Комиссия по противодействию фальсификации

---

¹⁴ Вудстокская ярмарка музыки и искусства (сокращенно «Вудсток»), которая с 1969 г. проходит в разных городках США, Англии, Канады.

¹⁵ После Олимпиады в Барселоне в 1992 г. прекратил существование Спорткомитет СССР, который заменил Спорткомитет России, с последующей приостановкой финансирования спорта и пр.

¹⁶ «Лимитроф» — понятие, используемое российскими политологами применительно к малым независимым государствам на пространстве бывшего СССР. В прямом значении — пограничные области Римской империи, обязанные содержать пограничные легионы.

И. Н. Шумейко

истории, и мне часто доводится отвечать на вопросы, что такое фальсификация.

Неужели вы думаете, что в корпусе документов, начиная от текста капитуляции, подписанного Кейтелем¹⁷, и кончая ялтинскими документами, Уставом ООН, могут быть вымарывания, вписывания, вырванные или, наоборот, вклеенные страницы?! Или где-то на ВВС лежит один вариант текстов, а на Радио России — другой? Нет, весь спор из-за интерпретаций. А различные интерпретации — продукт различных идеологий. Но сейчас-то в Европе, да и у нас, говорят, что идеологий нет, — есть принимаемые ценности. Получается, на мой взгляд, абсурд: идеологии, которых вроде бы нет, заслоняют факты, которые есть.

---

¹⁷ Кейтель Вильгельм [Бодуин Иоганн] (1882–1946) — генерал-фельдмаршал германской армии, начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ).

Сергей Петрович просил меньше говорить о фактах, но я всё-таки предложу небольшую россыпь горошин, которые сгодятся для любого кармана.

1938 год: аншлюс Австрии. Вена — город юности Гитлера, он мечтает провести парад в Вене, летит по шоссе и видит, что все обочины забиты немецкими танками: по гладкому шоссе не дошли до Вены. Скандал, Гитлеру объясняют, что других танков у Германии нет. Зафиксированный факт (Черчилль этими сведениями располагал тоже): на парад в Вену немецкие танки довели по железной дороге!

Дальше: Мюнхен¹⁸. Чехия занимала в 1938 году первое место в мире по экспорту вооружений. Не Германия, не Штаты — Чехия. Это тоже зафиксированный факт. Чешские танки в отличие от немецкого хлама продавались по всему миру — Швейцарии, Швеции, Ирану.

Это раскрывает ситуацию «Мюнхенского саммита» несколько в ином свете. У чехов была армия, численно сопоставимая с гитлеровской: 2 миллиона против 2,2 соответственно. О техническом вооружении я уже сказал. Но сыграло свою роль то, что тогда ещё не называлось «политкорректностью», но отлично работало. Было не «политкорректно» прибегать к помощи СССР — лучше вместе с Францией и Англией сдать эти самые Судеты.

Но что такое Судетская область¹⁹? Это сплошная горная местность. Судетские горы были совершенно неприступны, и неприступными их, кстати, сделал наш бывший царский генерал Сергей Войцеховский, командующий Пражским военным округом, — единственный на военном совете у Бенеша²⁰, кто был против капитуляции.

Кстати, в начале XX века Судетские горы назывались Исполиновы (чеш. Кркóноше — самая высокая часть Судет. — *Ред.*), потом произошло разделение, и Судеты были выделены. (Ирония: судетские немцы, если бы

---

¹⁸ Имеется в виду «Мюнхенское соглашение 1938» — соглашение о расчленении Чехословакии, подписанное 29 сентября в Мюнхене главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладьё), фашистской Германии (А. Гитлер) и фашистской Италии (Б. Муссолини). Соглашение было заключено в обстановке военного и политического давления на Чехословакию со стороны фашистской Германии, усилившегося после захвата Германией Австрии в марте 1938 (аншлюс Австрии).

¹⁹ Область Чехословакии, расположенная на северо-западе страны. На территории Судетской области проживало 3,3 млн. этнических немцев, на что ссылался Гитлер в своих речах на митингах, объясняя желание включить эту область в состав Германии.

²⁰ Бенеш Эдвард (1884–1948) — государственный и политический деятель Чехословакии (Чехии), второй президент Чехословакии в 1935–1948 гг.

не произошла та реформа, назывались бы «исполиновы немцы»!) Глава судетских немцев Гелейн получил от Гитлера инструкцию: требовать столько, чтобы требования были неисполнимы. Так раскачивали ситуацию в Чехии, вынуждая отдать эту приграничную область, в которой были все необходимые укрепления.

Правда, на совете у Бенеша кроме Войцеховского был ещё один человек против сдачи Судет — Прокоп Дртина, но он из гражданских, секретарь канцелярии президента. Так что из военных против капитуляции был только наш бывший генерал.

И ещё факт-горошина: в 1938 году летом в Берлине перестали отдавать «хайль». Историк Жак Бержье свидетельствует: генералы, в частности командующий берлинским округом Вицлебен²¹, уже репетировали взятие рейхсканцелярии и арест Гитлера. Тот заговор, который выстрелил в 1944 году, сложился в 1938. Даже СС заняло нейтральную позицию. Почему? Кейтель на Нюрнбергском процессе объяснил это чёрным по белому: немецкие генералы считали безрассудным нападение на неприступную Чехословакию. Именно как протест против этого безумного плана и возник заговор военных 1938 года, выстреливший в 1944 году. А по итогам Мюнхена Гитлер, образно говоря, смог показать язык своим «занудам-генералам» и так укрепить свою власть, что хватило до 1945 года.

Коснувшись Нюрнберга, — несколько слов о Европейском Сопротивлении. У нас тема Сопротивления — это «Маленький принц» Сент-Экзюпери, свободная Франция, всё так поэтично и красиво. Но слова из песни Первой мировой войны о том, что «на германской войне только пушки в цене», сгодились и для Второй мировой войны. «Только пушки» — это макроэкономика. Из микромира — Сопротивление.

Сейчас в Европе у всех есть справки об участии в Сопротивлении, но даже, в частности, в Нюрнберге было засвидетельствовано, что самое сильное сопротивление против Гитлера было в... Германии. По показаниям Кейтеля, «Красная капелла»²² стоила им десяти дивизий, Жак Бержье говорит о двухстах тысячах. Но кроме «Красной капеллы» суще-

---

²¹ Эрвин фон Вицлебен (1881–1944) — немецкий военачальник (с 1940 — фельдмаршал).

²² Общее наименование самостоятельных групп Сопротивления и разведывательных сетей во время Второй мировой войны, действовавших в европейских странах (Германия, Бельгия, Франция и др.).

ствовала и «Чёрная капелла»²³, уничтожившая, в частности, нацистских фельдмаршалов Вицлебена, Клюгге, Роммеля и Бека — повешенных, застрелившихся. На поле боя Гитлер потерял трёх фельдмаршалов, от «Чёрной капеллы» — четырёх.

Движение Сопротивления очень романтизировано, к политике подключилось кино, и спорить с этим мифом сложно. Да и у нас в советской многотомной истории Второй мировой как пример движения Сопротивления числится... забастовка французских шахтеров 1943 года. Вдумайтесь: забастовка может быть только на исправно работающей шахте! Те же арабские юноши, поджигавшие недавно машины под Парижем, демонстрировали более высокий градус «сопротивления». Им, не включенным в «хозяйственный механизм», — как бастовать?

Напоследок предложу вам даже не факт, а загадку. В качестве несколько специфического перехода к России. Назовите самое крупное военно-морское сражение Второй мировой войны на европейском театре. Подчеркну, что у моряков все данные об этом событии объективны — тоннаж суден, сумма всех калибров, количество линкоров. Может кто-то назвать это самое крупное морское сражение?

О. В. Вьюгин

Когда англичане истребили французский флот?

И. Н. Шумейко

Да, и случай этот очень показателен. Кстати, на этом эпизоде некий доктор военных наук, моряк, отбросил мою книгу, потому что он был уверен: главная битва произошла, конечно, у англичан с немцами где-то в Северном море. Но десантные операции, проводка конвоев — всё это сугубо второстепенное, обеспечивающее действие. А настоящее сражение — четыре линкора против трёх, по авианосцу с обеих сторон, десятки крейсеров — произошло между Англией и Францией, которая на тот момент ещё даже не заключила сепаратный мирный договор с Германией.

В чём здесь связь с Россией? Прямее не бывает. Со стороны англичан то были обычные упредительные действия. Франция — союзник, вчера воевали вместе, но сейчас есть теоретическая возможность, что

---

²³ Подпольное антигитлеровское объединение, возникшее в 1938 г. в Германии.

они сдадут свой флот Гитлеру. Чтобы не допустить этого, англичане разрабатывают операцию «Катапульта», которую было приказано осуществить вице-адмиралу Джеймсу Сомервиллу, командовавшему ударной военно-морской группировкой «Эйч» («Н»). В результате и произошла самая кровавая, самая мощная битва в Европе во Второй мировой войне. Мы не берём здесь во внимание театр тихоокеанских битв. В Европе на морях ничего подобного больше не было.

А теперь возникает вопрос: в чём разница между этим упредительным ударом по французам и нашим упредительным захватом прибалтийских республик? Разница сугубо фактурная. Англичане готовились к морской войне, им надо было заниматься, скажем, сомнительными флотами. А нам — сомнительными республиками.

Кстати, в этой их морской подготовке есть ещё колоритный момент. Когда Гитлер нападает на Данию, то Британия оккупирует Исландию, часть Дании, без всяких мотивировок, «пактов», без объявления вообще чего-либо. Просто как упреждение, военная необходимость. Правильно сделали? Абсолютно. Те же полярные конвои не вышли бы даже из Галифакса, побережья Канады, потому что Исландия была абсолютной командной высотой в Северной Атлантике. Взяли без всякой лирики, и оправдываться сегодня не приходится: упредительное действие.

Я произнёс слово «сомнительный» о французском флоте. А в чём заключалась «сомнительность» прибалтийских республик? Здесь есть объективный момент. (**Реплика:** «Маленькие»). Если бы только маленькие! По Версальскому договору Литва получила Мемель — важнейший порт на Балтике. Когда-то эта была столица Пруссии, добываемой Наполеоном. И эта крупнейшая база, переименованная затем в Клайпеду, была получена Литвой под международные гарантии. Точно такие же, как были у Польши (из-за нарушения которых Англия, Франция, собственно, и объявили войну). Только сверх гарантий, какими располагала Польша, у Литвы в гарантах были ещё Италия и Япония — кстати, страны-победительницы Первой мировой войны, полный версальский комплект. Но 20 марта 1938 года, то есть задолго до вхождения советских войск, литовский министр Урбшис²⁴ получает телеграмму со словами «сдайте по-доброму Мемель, и мы как-нибудь учтём ваши торговые интересы».

---

²⁴Юозас Урбшис (1896–1991) — литовский дипломат, министр иностранных дел Литвы в 1938–1940 гг., переводчик.

По международной системе договоров Литва должна была прибегнуть к механизму гарантий, хотя бы возразить, не согласиться на словах с этой нотой. Она испугалась простой угрозы и не прибегла к версальскому механизму гарантий. Сегодня прибалты комментируют это так (оцените патетику): «*Больно, когда отрубают руку, но глупо подставлять голову*»²⁵. В строго юридической плоскости это означает, что прибалты не пожелали нести «*риски, связанные с жизнью нормального суверенного государства*». Они согласились, и Гитлер юридически безупречно вошёл в Мемель, получив важнейший балтийский порт. В полемике на радио «Русская служба новостей» я сказал, что «Литва как бы шелушилась» в руки Гитлеру, опровергая всю Версальскую конструкцию.

Подобных фактов можно было бы привести ещё много — остановлюсь на одном, связанном с Польшей. При всех нынешних траурных обстоятельствах (крушение польского самолета под Смоленском в апреле 2010 г. — *Ред.*) нельзя забывать две простые, зафиксированные даты. Польское правительство сбежало из страны 16 сентября 1939 года. Варшава ещё героически держалась, партизанскую войну, как говорится, никто не отменял. Советский Союз вступил в восточные области Польши на следующий день, 17 сентября, когда Польша лишилась атрибута государства: правительство улетело в Румынию, далее — Англия, далее — известная судьба.

Эти события произошли ровно в такой последовательности, и даты 16 и 17 сентября ну никак не поменять местами.

С. П. Капица

Это и есть ситуация, когда налицо неоспоримые факты, — но достаточны ли они для интерпретации истории? В этом и состоят парадоксы. В истории происходят колебания, но есть какая-то генеральная история, большая история, метаистория. И каждый прав по-своему в масштабах своего времени.

И. Н. Шумейко

Знаете, Сергей Петрович, мне пришлось написать такую главу в книге: «История Второй мировой войны в пятидесяти эсэмэсках», то есть пояснения на таком уровне: до советских танков в 1968 году в Праге были чешские танки в Минске, Киеве, в Сталинграде, под Москвой.

---

²⁵ Здесь и далее выделения шрифтом в текстах выступлений — авторские.

Я согласен с Львом Александровичем [Аннинским], история у нас общая. (С. П. Капица: «А танки врозь»). Да, танки врозь.

Прочтите сегодняшнюю официальную историю завода «Шкода». В этой истории расписываются эти лучшие в мире танки и говорится, что они «глубоко сожалеют, что 239 танков попали в руки Гитлера и участвовали в нападении на Польшу, Францию и СССР, но последний из этих танков был подбит под подмосковным городом Клин 8 октября 1941 года». То есть, у чехов намечается эдакий корпоративный праздник — «День окончания ответственности за танки». Но что выясняется?

Чехи считают только те танки, которые были сделаны для чешской армии и ушли по накладным с чешскими печатями. Тут я заранее могу сказать нашей «Противофальсификационной исторической комиссии»: *на командировке в Прагу вполне можно сэкономить!* В смысле — не ездить, не перепроверять чешскую танковую фактуру. Последний из тех 239, скорее всего, действительно был подбит под Клином 8 декабря 1941 года. Но танки на войне не долгожители. Простая ротация — и чехи сделали тысячи других танков под германским флагом!

После вхождения немцев завод «Шкода» был переименован в концерн «Герман Геринг Веерке». Физически тот же самый завод, и только отчаянные бомбардировки в апреле 1945 года снизили производительность пражских заводов на 50%! Кстати, компания «ЧКД Прага» (одна из крупнейших и старейших марок в области машиностроения и электротехники в Чехословакии. — *Ред.*) тоже была переименована в немецкий концерн ВММ. Во всех справочниках продукция чешских заводов считается как немецкая.

Но если не заикливаться на танках, напомним и о самом ненавистном для советской пехоты «немецком» самолете. Я, как, наверное, и многие, полагал, что это бомбардировщик «Юнкерс». Но нет, по выверенной, просуммированной оценке, это «Фокке-Вульф-189» («Рама») — самолет-разведчик-корректировщик, чье появление означало неминуемый и высокоточный вражеский артобстрел. А артобстрелы, точные, удачные (для немцев) наносили в итоге больше урона, чем бомбардировки. Просто сцены бомбардировок с их видеорядом и характерным рёвом-визгом бомб более кинематографически выигрышны, что и повлияло на наше восприятие. Так вот, эта «Рама» — высотный, чрезвычайно маневренный и *практически не сбиваемый* самолет, производился на заводах «Верк-3» во французском городе Бордо (привет нынешним, изготавливаемым там «Аэробусам»; вот что значит забота о сохранении

своей недвижимости и промышленного потенциала!) и еще его делали на заводе «Аэро» в той же Праге. Опять этот «Город мастеров»!

С. П. Капица

Если бы мы проиграли войну, то танки Т-34 тоже, наверное, с таким же успехом воевали бы на Гитлера, — неизвестно, против кого уже.

Я бы только хотел добавить к тому, что Гитлера породил Версаль. Единственным крупным деятелем английской делегации, возражавшим против Версальского договора и унижения Германии, был Кейнс²⁶. Он тогда просто ушёл из политики и занялся экономикой.

Следующий наш выступающий Владимир Иванович Хотиненко. Как режиссёр, сценарист, актёр это человек, который интерпретирует события по-своему.

В. И. Хотиненко

Прежде всего, спасибо за приглашение в столь замечательное общество. Я попробую кратко высказать свою точку зрения.

Последнее время меня больше всего занимают манипуляции в истории. Я снял подряд несколько фильмов, которые оказались в центре такого критического внимания. Даже фильм «Поп», достаточно камерный и не касающийся, может быть, глобальных событий, вызвал живую реакцию и оказался в центре внимания.

Недавно я услышал такой замечательный вопрос — неожиданный, потому что спрашивают разное, про историю Псковской миссии²⁷, ещё что-то, — но вдруг мне задают вопрос: «Скажите, а возможно ли, что сейчас откроются какие-нибудь документы, какое-нибудь явление, какое-нибудь событие, которые в корне поменяют нашу точку зрения на Великую Отечественную войну, на Вторую мировую войну?». Я даже на секунду задумался, а потом, естественно, взял на себя смелость и сказал, что это моя точка зрения, но думаю, это не имеет никакого значения:

---

²⁶ Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) — английский экономист и политический деятель. Свой взгляд на Версальский договор и послевоенное развитие Европы Кейнс изложил в двух статьях, принесших ему известность: «Экономические последствия Версальского мира» и «Пересмотр мирного договора» (1919).

²⁷ Псковская православная миссия действовала в годы Великой Отечественной войны на оккупированной немецкими войсками территории Северо-Западных епархий России — Санкт-Петербургской, Псковской и Новгородской, а также в Прибалтике. Инициатором создания Миссии был митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский).

некий образ Великой Отечественной войны для нас уже сложился, и какие-то частности, которые будут появляться, случаи, откровения вряд ли могут повлиять на общую картину.

Но на самом деле никаких фактов и не нужно, чтобы поменять общую картину. Например, очень популярный, как теперь модно говорить, культовый режиссер Квентин Тарантино снимает фильм «Бесславные ублюдки», где Гитлера убивают задолго до, и войны-то по существу никакой — той, которую мы представляем, Великой Отечественной войны, Второй мировой войны не было, просто не было! Когда я начинал несколько раз говорить о том, почему же ему не предъявляют претензии, в ответ слышал, да прекратите, это же художественный вымысел, Тарантино — он такой, он просто пошутил, и всё очень художественно.

Известно, что нынешнее поколение вообще ничего не знает о войне. И я глубоко убеждён, — поскольку фильм популярный, культовый, — огромное количество людей будут судить об этой войне по фильму «Бесславные ублюдки»! Глубоко убеждён и боюсь, это сложно будет переломить. Молодёжь — ей ведь как? «Там задорно, клёво! Там клёво у Тарантино было показано, как Гитлера сожгли!». Поэтому тут власть исторического факта может вообще ничего не значить.

То, что я узнал благодаря Игорю Николаевичу [Шумейко], чрезвычайно важно для меня. Я удосужусь ещё его книгу перечитать и поинтересуюсь ещё, позанимаюсь этим вопросом. Насколько это важно как инструмент для последующего восприятия происходящего? Бог его знает.

Если говорить о метаистории, — в этом смысле я человек мистический, поэтому согласен с Львом Александровичем [Аннинским], конечно, это решается не нами. Мы герои пьес, мы — герои некоей пьесы, порой драматической, порой смешной. Есть пьеса, есть сценарий, который нам не известен, и мы в нём участвуем — на этом, кажется, можно и разговор закончить. Но вопрос в другом.

Пока мы живы, пока у нас есть какие-то ценности, — вопрос как раз в этих ценностях, нравственных ценностях, поэтому, мне кажется, мы всё равно должны этим заниматься. Мы просто должны делать своё дело, вот и всё.

Буш вообще сказал: ни Мюнхена теперь не будет, ни Ялты, надо забыть, выдернуть это из памяти. Почему? Я вот сейчас слушал и вдруг задался совершенно идиотским вопросом: а закончилась ли эта война? И вдруг я с ужасом для себя подумал, что она ведь не закончилась, она продолжается, как каждый день продолжается распятие Христа, понимаете!

В. И. Хотиненко

В метафизическом смысле она продолжается, раз мы сидим тут и обсуждаем эти вопросы.

В последнее время это вообще очень острый, а может, вообще ключевой вопрос современной политики. Ведь из нас осталось выдернуть только войну — из нас уже всё выдернуто, чтобы мы не оставались тем, что мы есть. Пусть кривые, рыхлые, дураки, работать не умеем, но всё-таки история нашего государства как минимум тысячелетняя, с лихвой тысячелетняя. Всё-таки как-то это рыхлое огромное образование на шестой части суши всё это время существовало, — значит, в этом есть какая-то, пусть метафизическая, причина, но она есть, вот в чём фокус. И это, может быть, тайна великой русской души. Это другой вопрос, это литературный вопрос, но всё равно это же есть! И осталось последнее, что из-под нас выдернуть, что единственно общее у нас сегодня есть, — это память о великой Победе.

Задаются вопросом о национальной идее. Создавались даже специальные комиссии, какие-то группы, которые пытались сформулировать эту идею, но как-то не сформулировали или мы её не услышали. Но я вдруг пришёл к выводу, что единственная национальная идея, которая у нас есть, — это Великая Отечественная война. Другой идеи, которая объединяла бы нас, как-то собирала как нацию, как народ, нет. Чувство со слезами ли, с гордостью, с болью, но другой такой идеи нет.

И вот, когда с такими благими намерениями я попытался снять достаточно камерную картину²⁸, совершенно не известную страницу, которую я сам для себя открыл, — история Псковской миссии, но в данном случае не Псковской миссии, а история церкви в период Великой Отечественной войны в оккупационной зоне, — я вдруг понял, что мы не знаем, как жили люди в оккупации. К моему стыду, для меня было открытием, когда я узнал цифру: в оккупации находилось 50–70 миллионов людей! Как они жили? Об этом у нас, вообще-то говоря, ничего нет.

У нас есть история о том, как боролись партизаны, подпольщики, потрясающие исследования, как воевали на фронте. Но как жили в оккупации 50 миллионов человек — население сегодняшней Украины? Как жили эти тётки, бабки, оказавшись в условиях, вывернутых наизнанку, и не знали, чем всё это закончится? Надо кормить детей, надо вырастить хлеб, чем они и занимались. А потом в их жизни появляется графа в анкете (я её тоже заполнял) «были ли родственники в оккупации».

Как только было совершено это самое гипотетическое зачисление этих людей в «изменники Родины», мы совершили какой-то великий грех. Они, прежде всего, были брошенными людьми, и мы совершили грех, что это до сих пор как-то пряталось.

А для меня это важно. У меня была трагическая семейная история. В основном мои родственники, как почти у всех в нашей стране, погибли либо в лагерях, либо на войне. Наша же история была просто чудовищная. Брат моей мамы, Николай, был абсолютно фотографический герой — натренированный, загорелый лыжник, как с картинки. Он хотел быть лётчиком, и быстро прошёл лётные курсы. У нас в семье хранилось его последнее письмо, затёртое уже на углах, в котором он написал:

---

²⁸Фильм «Поп» по одноимённому роману Александра Сегеня, снятый по заказу «Православной Энциклопедии», об истории священника Александра Ионина, который во время войны оказался на оккупированной территории и служил в Псковской православной миссии.

«Завтра едем бомбить». И вот завтра на фронт, а он уснул в траве, где его задавила машина.

Понимаете, вот был он на войне, жертва он войны или не жертва? А для меня это трагедия, особенно когда я был мальчишкой, потому что я хотел, чтобы он выжил, стал героем Советского Союза, чтобы у меня дядя был героем Советского Союза, — это моя детская трагедия. Но и для него эта война закончилась, не начавшись. Но от причины до следствия практически дорога одна и та же.

Поэтому в заключение скажу, что главное здесь, мне кажется, это вопрос манипулирования. И последний наш оплот — это история этой войны и наше ощущение этой войны. Если это ощущение будет выдернуто из нас, я думаю, это будет равно как выдернуть табуретку из-под висельника... Это моя точка зрения.

С. П. Капица

Спасибо, Владимир Иванович. Сейчас я попрошу выступить Владимира Александровича Невежина, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, эксперта по современной истории.

В. А. Невежин

Большое спасибо за приглашение на «круглый стол», на котором обсуждаются такие дискуссионные вопросы. Считаю необходимым всё-таки вернуться к теме «История Победы: война историй».

Игорь Николаевич Шумейко много рассказал нам о технических данных, о производстве оружия в период Второй мировой войны. В прошлом году была годовщина — 70 лет со времени начала этой войны. Много было обсуждений её причин среди учёных и представителей СМИ.

Мне кажется, что Версаль в данном случае тоже является ключевым словом. Ведь Версальский договор 1919 года по существу обеспечил (но не так, как Мюнхенское соглашение 1938 года, после которого премьер Англии и премьер-министр Франции утверждали, что Мюнхен дал мир) мирное существование в Европе на два десятилетия. В результате преобладания мирных настроений возник пацифизм, который проник не только в умы населения Европы, — никто не хотел, как говорится, воевать и умирать. Пацифизм был присущ и лидерам ведущих западных держав в конце 1930-х годов. Мы привычно клеймим, конечно,

В. А. Невежин

и Чемберлена, и Даладьё²⁹ за то, что они подписали Мюнхенское соглашение с Гитлером и Муссолини. Это факт. Но, повторяю: никто не хотел умирать. Лидеры западных держав, прежде всего, надеялись обеспечить мирное существование своим странам. И, конечно, никто из-за Данцига (название г. Гданьска до 1945 г. — *Ред.*) воевать не желал. Об этом уже в прошлом году говорилось во многих дискуссиях — я здесь никакого открытия не делаю.

Позвольте перейти к совсем другой теме. Её уже затронул Владимир Иванович Хотиненко. Он назвал действительно умопомрачительную цифру: 50, может, 70 миллионов человек советского населения оказались под вражеской оккупацией, причём на довольно длительное время.

---

²⁹ Эдуар Даладьё (1884–1970) — французский политик, государственный деятель, премьер-министр Франции в 1933–1934, 1938–1940 гг.

Сейчас историки бывших союзных республик СССР рассредоточились по своим квартирам. Я имею в виду то, что каждая из возникших на развалинах Советского Союза стран изучает историю Великой Отечественной войны с позиций лишь собственных интересов. Извините, раньше была *советская история* этой войны, а сейчас есть российская история войны, белорусская, украинская, прибалтийская и т.д. И понимаете, если спросить белорусов, что делали во время оккупации ваши предки, не были ли причастны к коллаборационизму, то можно получить следующий ответ: нет, заявят они, во время немецкой оккупации 1941–1944 гг. практически все белорусы оказывали сопротивление врагу — кто участвовал в партизанском движении, кто числился в партизанском резерве. И никто из белорусов сейчас не скажет, что в Белоруссии была коллаборация.

Вообще, коллаборационизм на оккупированных советских территориях имел свои побудительные причины. Да, это была длительная оккупация. Конечно, немцы успели где-то, особенно на Украине, в Прибалтике и на большей части оккупированной российской территории (я имею в виду территорию РСФСР) установить свой режим, даже пытались наладить контакт с местным населением. В связи с этим приобретает актуальность вопрос, затронутый Владимиром Ивановичем Хотиненко, о разрешении православным русским миссиям действовать на оккупированной немцами территории.

Немцы не разрушали напрочь прежнее колхозное хозяйство из-за экономической выгоды для себя, для вермахта, а также для гражданского немецкого населения Рейха. Они вывозили продукты, сельскохозяйственное сырье, угоняли в Германию крупный рогатый скот, лошадей. Но как в этих условиях человеку на оккупированной территории можно было сохранить себя, сохранить своё потомство?

Сейчас идет дискуссия относительно социального аспекта коллаборационизма. Человек действительно должен был в условиях оккупации сохранить себя и свою семью. Он, может быть, не обязательно брал в руки оружие и шёл с немцами в одном строю. Он мог работать, он мог тихо саботировать распоряжения германских оккупационных властей, ждать и даже надеяться, что скоро «наши придут» и «освободят». Но приходилось же зарабатывать деньги или просто искать средства для существования. Это надо учитывать при рассмотрении вопроса о причинах коллаборационизма на оккупированных противником территориях.

Вторая сторона коллаборационизма, о которой сейчас тоже много говорят. Упоминаются добровольные помощники немцев, «хиви»³⁰, как их называют. Некоторые люди, оказавшись в оккупации, как бы продолжали находиться в состоянии гражданской войны — они сознательно продолжали бороться против «сталинского большевизма». Это тоже надо учитывать.

Следует иметь в виду и территориальный аспект. На территориях, присоединенных к СССР в 1939 году (Западная Украина), а также в 1940 году (Прибалтика), был развит «вооружённый коллаборационизм», то есть участие в борьбе против Красной армии с оружием в руках.

И, наконец, нужно сказать о том, что мы воевали в 1941–1945 гг. в союзе с крупнейшими державами. Сергей Петрович Капица уже отметил данное обстоятельство. Великобритания и США, наши союзники по антигитлеровской коалиции, были высокоразвитыми промышленными державами. Достаточно напомнить, что к 1945 году американцы сумели уже создать атомную бомбу.

Мы задаёмся вопросом: почему не было репрессий у англичан, у американцев, а почему репрессии были у нас в годы войны? Я думаю, потому что наш девиз «Всё для фронта, всё для Победы!», был многоаспектный девиз. Те, кто по каким-то причинам попадали в категорию людей, для которых этот девиз не стал определяющим по объективным причинам (военнопленные Красной армии, коллаборационисты, вообще все, кто оказался на оккупированной территории), становились главным объектом репрессий.

Даже немцы не воевали так рьяно, как русские. Известны дневниковые записи генералов вермахта об упорстве и самоотверженности противника. Сохранились кадры кинохроники, изображавшие, как советские солдаты вытаскивают из непролазной грязи автомобиль, как боец Красной армии тащит свой пулемёт практически на горбу. В страшный мороз, глубокой ночью красноармейцы и командиры ходили на боевые задания. Между тем немцы ночью, как правило, предпочитали спать, отдыхать.

Конечно, следует говорить о метафакторах, которые характеризуют период войны. Но представляется, что Победа (и мы об этом не должны забывать) — всеобъемлющее понятие.

---

³⁰ Хиви (нем. Hilfswilliger — желающий помочь) — так называемые «добровольные помощники» вермахта, набравшиеся (в том числе мобилизованные принудительно) из местного населения на оккупированных территориях СССР и военнопленных.

Во-первых, русский народ (это, конечно, собирательный образ) буквально вынес на себе бремя войны. Во-вторых, СССР всё-таки воевал в 1941–1945 гг. в союзе с великими западными державами. К концу Второй мировой войны у СССР, Великобритании и США было порядка 50 государств-союзников. Конечно, не все они воевали. Но антигитлеровская коалиция была мощной силой. Сама Вторая мировая война была коалиционной, если уж говорить о каких-то метафакторах.

Специфика Второй мировой войны (часто историки рассматривают ее в ретроспективе Первой мировой войны) состояла в том, что один из главных победителей 1945 года — Советский Союз — оказался державой, которая просто исчезла с карты мира спустя несколько десятилетий после Победы. По каким причинам это произошло, почему именно так, а не иначе повернулись события, — это величайшая загадка, предопределяющая сложные задачи для исследователей.

Здесь я совершенно согласен с мнением, что усилий одних только историков для решения проблем, связанных с интерпретацией событий и итогов Второй мировой войны, для понимания значения Победы или изучения значения этой Победы для человечества явно недостаточно. Хорошо, что существует союз историков, социологов, экономистов. Историк действительно очень любит оперировать фактами. Ему кажется, что в архиве всегда мало материала, хотя ранее неизвестные архивные документы постоянно вводятся в оборот, и физически никакой исследователь даже с помощью компьютерных технологий не сможет овладеть всем этим громадным эмпирическим материалом.

Я сам сторонник добывания именно эмпирических фактов, но они бесполезны без попыток на их основе сделать глобальные обобщения. Отдельный историк вполне может сам себя насытить вдоволь фактами. А подвести итоги, как-то обобщить весь обширный эмпирический материал можно лишь общими усилиями ученых, представляющих различные отрасли науки, начиная от историков и заканчивая экономистами. Я считаю, что такие обсуждения, как сегодняшнее, актуальны и полезны.

С. П. Капица

То, что Вы сказали как профессиональный историк, очень важно, потому что в этом есть профессиональная ответственность.

Слово Александру Владимировичу Голубеву, руководителю Центра по изучению отечественной истории и культуры Института русской истории РАН. Прошу Вас!

А. В. Голубев

Я с большим удовольствием слушал сегодняшние выступления и как всегда находил многое, с чем можно согласиться, многое, что можно принять к сведению и обдумать, и многое, с чем можно поспорить.

Во-первых, я всё-таки профессиональный историк и, как и мой предшественник, убеждён, что история бывает условная и безусловная. Существуют безусловные факты, которые невозможно опровергнуть просто потому, что они были. И существуют интерпретации этих фактов, существуют комбинации этих фактов, которые могут доказывать совершенно противоположные концепции. Профессиональные историки пытаются создать безусловную историю, а плодами их трудов пользуются другие люди, которые на этом создают некую условную историю.

Тут необходимо напомнить, что история, собственно говоря, имеет как минимум три уровня понимания.

Профессиональный, где, несомненно, много и безусловных фактов, и верных оценок и где теоретически можно добиться консенсуса между историями разных стран в узком кругу профессиональных историков. Это очень болезненный процесс, консенсус никогда не бывает стопроцентным, но многие вопросы мировой истории более или менее уже разрешены, и историки о них горячо не спорят.

Второй уровень это, условно говоря, публицистический. Он в идеале должен основываться на материалах историков, но это там, где историческая наука превращается в некую историческую мифологию, причём слово «мифология» я употребляю отнюдь не в негативном смысле, просто это иная форма восприятия — нечто целостное, нечто более яркое, нечто более логичное, чем реальная история. И тут уже, конечно, возникают и национальные цвета, окраски: мифология российская, украинская, польская — какая угодно. Это уровень учебников истории, уровень телевизионных передач об истории, публицистических высказываний, научно-популярных книг.

Наконец, сформировавшееся на втором уровне понимание истории транслируется на третий уровень, это уже то, что мы называем массовым сознанием. В головах большинства людей, которые специально историю не изучали, возникает какое-то третье понимание истории, менее целостное, но еще более яркое, упрощённое, чем на втором уровне, и достаточно далёкое от уровня первого.

А. В. Голубев

Надо всегда помнить, что мы должны говорить о разных уровнях понимания истории. И то, что справедливо по отношению ко второму уровню, не обязательно для первого и третьего, и наоборот, и т. д.

Был затронут вопрос о национальной идее. Когда-то к нам в Институт российской истории спустили соответствующую бумагу и потребовали написать наши соображения по поводу национальной идеи. Я готовил проект ответа, где говорилось, что национальная идея не конструируется искусственно. Национальная идея возникает в массовом сознании. Конечно, первоначально те или иные идеи формулируются отдельными людьми, но никто не знает, какая из них может превратиться в национальную идею, то есть само массовое сознание выбирает какую-то идеологию и реагирует на нее. Имеется в виду национальная идея на короткий период — не историческая, потому что если брать то, что заложено в культуру изначально, то это тоже можно попытаться определить, но это не совсем то, чего от нас хотели в тот момент.

Вот примерно такой ответ подготовил наш институт. Конечно, не из-за этого ответа, но постепенно как-то всё тихо сошло на нет. Не придумали для нас национальную идею... Тем не менее я как историк много над этим думал после этого письма, — как видите, польза от таких кампаний тоже бывает...

Каждая держава, претендующая быть мировой, должна иметь что-то на экспорт. Я имею в виду не нефть, не сырьё, я имею в виду некую идею, которую она должна предложить и отстаивать, которая должна быть ей свойственна. Для англичан — какая идея? Цивилизация. Какую идею несут американцы как свою основную идею всему миру? Свобода. Их главная идея — свобода и как средство её обеспечения демократия. Что предлагает Российская империя, СССР — какую идею? (**Реплика:** «Может быть, в Германии заимствованную — марксизм?») Нет, марксизм — это частный случай. А если брать всю историю России — это идея справедливости, в том числе и социальной.

Понимаете, проблема в том, что все эти идеи зачастую осуществляются самыми, скажем так, нецивилизованными способами. Но с другой стороны, сами англичане свято верят в своё бремя белого человека, в то время как остальной мир воспринимает это как лицемерие, как оправдание колониальных захватов. Но англичане-то сами в это верят, для них это действительно ценность. То же самое справедливо для американцев. Американцы свято верят, что свобода и демократия, которые они предлагают всему миру, это здорово, и не понимают, почему люди не хотят принимать эту свободу вместе с замечательными американскими бомбами, — то есть свобода сама по себе, может быть, и ничего, но бомбы уж как-то очень мешают. То же самое можно сказать о нашей идее.

Если посмотреть на российскую историю как метаисторию, то идея справедливости, в том числе социальной справедливости, правды, о которой в русском народе столько разговоров, присутствует постоянно, в том числе и во внешней политике. И отсюда наши попытки всё время кого-то защитить — то создать вокруг себя славянский мир, то православный мир, то социалистический лагерь. Придавить, конечно, но одновременно и прикрыть. Если у нас существует и постоянно воспроизводится убеждение, что все идут к нам за защитой, значит, для нас подобные отношения являются ценностью. Пускай это далеко не всегда правда, но ведь в истории были и такие случаи. Главное, что для нас это ценность.

Ещё два частных замечания, связанных с сегодняшней дискуссией.

По поводу коллаборационизма. Я убеждён, что это не исключительно российская проблема. Сегодня говорили о Европе. У меня нет точных цифр, но, наверное, можно как-то попытаться вычислить, и мы убедимся, что процент коллаборационистов в странах Западной Европе был намного выше, чем на наших оккупированных территориях.

Прав Владимир Александрович Невежин: нет какого-то цельного обобщающего исследования о том, как всё это происходило на оккупированных территориях, хотя историки сейчас очень много работают над этим. Но они работают над достаточно узкими проблемами. И когда будет целостная картина, я не знаю, может быть, через несколько десятилетий, тем более с таким тонким сюжетом, как мотивация коллаборационизма.

У меня, однако, по существующим отдельным исследованиям сложилось глубокое впечатление, что в абсолютном большинстве случаев коллаборационизм был связан либо с необходимостью выживания, либо с какими-то чисто эгоистическими мотивами. А политические мотивы, скажем антисталинизм и т.д., хотя несомненно существовали, но главной роли не играли. Для основной массы коллаборационистов определяющими были другие побудительные причины.

Теперь о репрессиях. Вы знаете, ведь репрессии у нас не только и не столько во время войны происходили. Почему Америка и Англия воевали без репрессий? Потому что репрессии были связаны не с войной и не столько даже с подготовкой к войне, сколько с тем, что в России пытались одновременно решить две колоссальные задачи — одну утопическую в принципе, вторую утопическую по масштабам, хотя, в принципе, реальную.

Это, во-первых, создание небывалой социалистической, далее коммунистической, цивилизации. И вторая задача — это превращение России в современную индустриальную страну. Про первую задачу мы говорить не будем, мы сейчас уже в большинстве решили, что она утопическая, Бог с ней, отложим, хотя я убеждён, что к этой утопии ещё будут возвращаться многожды, — не обязательно в России, возможно, в других странах мира. А вот что касается второй задачи — она решаемая, но решаемая на протяжении столетий. За десятилетия её можно было решить только а) частично и б) самыми жесточайшими мерами. И вот тут, конечно, возникает вопрос цены и цели. Сделать то, что сделал Сталин, без репрессий, наверное, было невозможно. Человек, который не проводил бы массовых репрессий, добился бы меньших результатов.

Ещё один момент. В ходе разговора о национальной идее было сказано: «выдержим войну — и ничего не останется». На самом деле у русской истории немного другой стержень. Война — лишь составная его часть. Помимо справедливости, это ещё идея государства. Мы все государственники. Мы все — страстные, убеждённые государственники. Только многие из нас с приставкой анти-, понимаете? Мы либо государственники, либо антигосударственники. У нас практически нет негосударственников. Я не говорю о молодом поколении. Оно какое-то другое, и пока не очень понятно, какое. И насколько наши мифы на них воздействуют, а насколько не воздействуют — сказать трудно. Но если говорить о среднем и старшем поколении, я убеждён, что это так.

И самое последнее. Историкам сейчас сложно работать. Например, в истории войны мы имеем дело с тремя пластами мифологии. Сначала советская мифология, которая возникает уже в ходе войны и принимает завершённую форму к началу 1980-х. Затем мифология 1990-х годов, создававшаяся с обратных позиций. Казалось, что, наконец-то, говорят и пишут правду. Нет. Это тоже была неправда. Это тоже была мифология, в чём-то гораздо более уходящая от правды, чем даже советская, хотя в чём-то и правдивая, разумеется. А в нулевых годах пошла мифология патриотического характера с разными оттенками содержания. И сегодня она неоднократно в ходе дискуссии воспроизводилась.

Историк должен работать с конкретным материалом, иначе он в этой мифологии утонет. А уж потом более светлые умы — культурологи, публицисты и т.д. — из этих конкретных исторических исследований сформулируют единственно верную и всепобеждающую мифологию. **(Аплодисменты)**.

С. П. Капица

Историки как-то упорядочили наши начавшие было разгораться страсти и разложили их по своим местам. Единственное, о чём не было сказано, это об экономике, но может быть, она как-то и не к месту сейчас. Я не знаю, я могу только спросить об этом.

Следующее, о чём я хотел сказать. В современном мире произошло, по-моему, очень важное событие, которое мы до конца не рассматриваем, но которое играет роль в настоящем и особенно будет играть в будущем. Это исход интеллекта из нашей страны за последние десятилетия, что мы рассматриваем как страшные потери для нас. На самом деле это абсолютно другой и новый вклад в мировую цивилизацию,

который не сравним ни с американским, ни с европейским. Европа пыталась сделать это в XIX веке, а мы сделали в XX веке — тема, которая практически никогда не обсуждается.

Ленин изгнал 100 философов и экономистов, которые ему не были нужны, но они оказали большое влияние на западный мир. Социология того же Питирима Сорокина в Америке, экономические работы, многие работы наших механиков и т. д. сыграли очень большую роль в развитии мировой науки. А оценка эмиграции последних десятилетий, по-моему, требует гораздо более интересного и глубокого анализа. Это очень крупное историческое событие, которое отражается и на нашей стране. Мне бы хотелось, чтобы оно как-то учитывалось в современном историческом анализе как новый фактор. Да, скороварка раскрылась, весь наш талант разбрызгался по свету, сейчас есть какая-то идея его возвращения и т. д. Но осмыслить её влияние, мне кажется, очень существенно.

Об этом мне хотелось бы напомнить, как, может быть, о своеобразной национальной идее: наш вклад в мировую цивилизацию в самых разных формах. Мы говорим о потерях нашей страны, но на самом деле культура — это такая самовоспроизводящаяся система. Она не пропадает, в отличие от оружия, танков или военных секретов.

Продолжим дискуссию. Пожалуйста — Алексей Валерьевич Исаев, сотрудник Института военной истории Министерства обороны; автор сценария документального цикла «Великая война», который сейчас идёт на Первом телевизионном канале.

А. В. Исаев

Мне, честно говоря, было немного больно и обидно слышать, что не бывает истории — бывает интерпретация. Как справедливо сказал мой коллега, историки любят факты. И не надо пугаться сложностей в обработке этих фактов. Когда есть научные коллективы, когда есть действительно профессиональные люди, способные как-то обрабатывать эти факты, всё можно обсчитать и разобраться, в чём было дело.

Сергей Петрович справедливо напомнил о таком замечательном человеке, как Блюх. Это исследователь, организатор, который не побоялся сложностей в обработке огромных массивов информации. И на этом поприще Блюх добился действительно выдающегося результата: он предсказал, какой будет Первая мировая война, за 15 лет до её начала. Этот результат тем более впечатляет, что даже

профессиональные военные в 1914 году говорили, что война закончится до начала листопада.

Известный всем военачальник М. Тухачевский, будучи в августе 1914 года поручиком гвардии, даже боялся не попасть на войну и не успеть отличиться. Блюх, собрав коллектив специалистов, в том числе военных, посчитал очень многие сложные вещи. Например, разлёт шрапнели, количество пуль на погонный метр, которые даёт пехотный батальон. Анализ этих достаточно специфичных вопросов вкупе с экономическими расчётами привёл Блюха к выводу, что будущая война будет долгой, тяжёлой и приведёт к крушению старого мира. Наша задача намного проще: нам не нужно предсказывать будущее, нам нужно проанализировать события прошлого — Вторую мировую войну.

Сергей Петрович напомнил о 1914 годе и провёл линию 1914–1945 годы. Действительно, если мы начнём разбираться, то увидим, что по окончании Первой мировой войны каждая страна вынесла из неё свой уникальный опыт. Вот немцы, на мой взгляд, вынесли в первую очередь опыт тактический: как воевать на низовом уровне батальона, роты и даже отдельного солдата. Соответственно у нас в России из Первой мировой войны был вынесен опыт стратегический. Дополнилось это опытом гражданской войны 1918 – 1920 годов. И вот эти два опыта, анализ которых шёл абсолютно не пересекаясь друг с другом, оказали влияние на события Второй мировой войны.

Что дал немцам их тактический опыт? Это, как говорят западные историки, «феномен высокой эффективности германской армии». Это не я придумал, об этом говорит такой известный человек, как Тревор Дюпуи, полковник американской армии. Он, если можно так сказать, практик войны. Он сам ездил под бомбами в Бейрут в 1982 году, чтобы понять, что происходит. И вот этот человек рассчитывает сравнительную эффективность: скольким батальонам союзников будет равен один батальон немцев. То же самое просчитывается и в отношении нас, то есть тогда Красной Армии.

Да, немцы обладали более высокой эффективностью на тактическом уровне. Если мы посмотрим и попытаемся это посчитать, то сможем объяснить многие события. Почему у нас зимой 1943–1944-го успешно развивались наступления на Украине, но при этом заметно меньшие результаты были достигнуты под Ленинградом, а еще хуже — в Белоруссии? Ответ можно получить, если посчитать соотношение сил

А. В. Исаев

на этих направлениях. Это те самые факты, которые можно обмолотить, посчитать и выдать результат. Что же получается?

Расчёты показывают, что там, где преодолевался порог численного превосходства в « e » раз над немцами, нам сопутствовал успех; « e » — основание натурального логарифма 2,71. Это более или менее абстрактное число я взял, потому что оно просто удобно и всем известно. Точнее будет сказать «приблизительно в « e » раз». Под Ленинградом соотношение сил советских войск и немецких было значительно ниже этой величины, поэтому движение шло хуже. На Украине, наоборот, численное превосходство у Красной армии было достаточное, чтобы громить противника.

Любые события просчитываются из всех этих фактов. Тот же 1941 год. Да, немцы обладали лучшей экономикой. Они действительно могли делать танки, которые отмахивали по 10 тысяч километров

и не ломались. Новые советские танки KV и Т-34 проходили максимум тысячу километров до выработки ресурса двигателя и ходовой части. Для маневренной войны лета 1941 года этого было недостаточно.

Однако у нас был стратегический опыт Первой мировой и Гражданской войн. Это был опыт формирования новых соединений, когда дивизии штамповались, словно на конвейере. Возникал вопрос: а не лопнет ли струна, если её дальше натянуть? Вот сформируем ещё сто дивизий, они будут достаточно боеспособны — хватит у нас на них вооружения? И вот это натягивание струны в 1941 году и остановило немцев под Москвой.

Глупо думать, что безоружные люди, ополченцы, остановили немецкие танки и справились с тяжёлой артиллерией группы армии «Центр». С ней справилась та самая «натянутая струна», наштампованные в тылу дивизии. Каждая из них была достаточно боеспособной единицей. Глупо опять же думать, что немецкие танки можно было остановить бутылками с зажигательной смесью. Их опять же останавливали соответствующими современными противотанковыми средствами. Планирование формирования новых дивизий, их адекватное оснащение стрелковым оружием и артиллерией — всё это следствие правильной оценки советским руководством стратегического опыта Первой Мировой войны.

Не нужно бояться массивов фактов. Всегда нужно стараться выяснить, что было на самом деле, не прятаться в норку со словами, что у нас нет истории, у нас есть интерпретация. Это на самом деле бегство от страха незнания фактов.

Возьмём простейший пример. В одном из предыдущих выступлений было сказано: 16 сентября 1939 года польское правительство куда-то там сбежало. А какая, собственно, разница? Приказы Красной армии на переход польской границы 16 сентября уже были выпущены. Сбежало польское правительство, не сбежало — было всё равно, приказы уже были. Механизм уже был запущен и колёсики уже крутились. Выводы о роли СССР в сентябрьских событиях нужно делать исходя из этого факта, а не из факта бегства правительства. Перед нами наглядная демонстрация важности «обмолота» фактов для правильной, а не поверхностной оценки исторических событий.

Ещё один пример — Зееловские высоты³¹. Я был там недавно, буквально на прошлой неделе. При ближайшем рассмотрении событий возникает вопрос: «А был ли мальчик?» — а были ли горы трупов на Зееловских высотах? На самом деле Зееловские высоты — это узкая полоска, которая отнюдь не перекрывала весь Кюстринский плацдарм, с которого наступали на Берлин. Соответственно в сражении за них участвовала лишь часть войск, прорывавших «одерский фронт» немцев в апреле 1945 года. Можно не строить догадки, а взять донесения войск и посмотреть, сколько человек они потеряли. Общие потери советских войск на Зееловских высотах — 20 тысяч человек, из них 5–6 тысяч человек убитыми. Это много? Да не очень много на самом деле, если сопоставлять эти цифры с мощью захваченных укреплений. Также нельзя сказать, что высоты были взяты грубой силой, не считаясь с потерями.

На самом деле Зееловские высоты обошли смелым маневром. Люди в 1945 году, наша Красная Армия, очень дерзко, хорошо маневрировала. Оборона противника севернее высот была словно пробита «спицей» на узком фронте на всю глубину. Через узкую брешь, пробитую спицей, протолкали две танковые армии. Это колоссальная масса людей и техники по 40 тысяч человек каждая и почти по 500–600 танков. Вот эту массу сумели ввести в обход высот, экономя силы, стремясь нести наименьшие потери.

Поэтому я призываю всё же не пытаться прятаться за «интерпретацией». У нас сейчас достаточно средств, чтобы не замолчивать факты, а давать ответы. От историков надо просто требовать ответов — как налогоплательщики все мы можем сказать: «Дайте нам ответ, почему произошло то или иное событие». Специально обученные люди сядут, обработают факты и выдадут ответ. Этот ответ, если он рациональный и обоснованный, — с ним согласятся даже историки других государств, если это действительно профессиональные люди. Вот, что я хотел сказать. **(Аплодисменты)**.

С. П. Капица

Спасибо. Это очень конкретное и ясное выступление. А теперь я прошу выступить Виталия Леонидовича Тамбовцева, профессора,

---

³¹ Зееловские высоты — многочисленные возвышения естественного происхождения в виде холмов, расположенных недалеко от немецкого города Зеелов, примерно в 90 км к востоку от Берлина, где 16–19 апреля 1945 г. произошло сражение советских войск с немецко-фашистскими войсками в рамках Берлинской наступательной операции.

заведующего лабораторией институциональной экономики экономического факультета МГУ.

В.Л. Тамбовцев

Сегодня я хотел бы сделать краткое выступление не как экономист, а как человек, интересующийся вопросами методологии. Я попытаюсь как-то поддержать вместе с коллегами, которые выступали раньше, линию, зафиксированную Сергеем Петровичем, — линию методологическую, метаисторическую, поскольку предыдущие выступления, по-моему, дают для этого интересный материал, особенно если сопоставить два последних выступления профессиональных историков.

Что интересно отметить в этих выступлениях, так это то, что они утверждают, грубо говоря, ровно противоположное друг другу, с одной стороны. С другой стороны, каждый из них говорит о специфике истории: в истории есть факты, в истории есть интерпретации и вообще существуют три уровня исторического исследования.

Я хочу немножко снизить этот пафос, и позволю себе утверждать, что и трёхуровневость, и наличие фактов и интерпретаций — это особенность абсолютно любой науки. Возьмём, хотя мне и боязно, физику, вообще естественные науки. Здесь есть факты наблюдаемые, измеримые. Мы наблюдаем, скажем, положение звёзд, различаем звёзды подвижные и неподвижные. Это факты. А интерпретации? А интерпретации — пожалуйста: от Птолемея до Коперника, Кеплера и т.д. В чём отличие этой схемы от схемы в истории? Возьмём совсем древнюю историю — мне она как-то чисто во вкусовом смысле более интересна: любимый остров Крит, где были раскопаны и продолжают раскапываться огромные каменные сооружения второго тысячелетия до новой эры, имеющие весьма схожую планировку. Открыватель этих сооружений, открыватель фактов сэр Эванс³², интерпретировал эти замечательные постройки как дворцы царей. А в современной литературе эти же сооружения трактуют как храмы. Но факт-то от этого не меняется: вот дворец в Кноссе, вот вновь открытый дворец в Галатосе, может быть, скоро что-то ещё найдут. Уже найденные факты эти новые находки не меняют, они одни и те же. Но ведь история это не только и не столько факты. Сами по себе они нам неинтересны: здесь расположен такой камень, а здесь — такой, тогда-то

---

³²Эванс Артур Джонс (1851–1941) — английский археолог, наиболее известный своими раскопками и исследованиями древнеминойской цивилизации на Крите.

В. Л. Тамбовцев

произошло то-то, а тогда то-то и то-то. Нам важны смыслы. Но факты сами по себе смыслов не несут. Смыслы возникают только в интерпретациях. Поэтому указанный историками второй слой — это и есть то, чего люди хотят от истории.

Профессиональные историки, конечно, опираются на факты, это верно. Но возьмем пример с таким совсем уж неопровержимым фактом: Солнце вращается вокруг Земли — это очевидно, в этом может убедиться каждый. Почему мы вдруг поменяли точку зрения — ну, не мы, а наши предшественники — и заявили, что нет, всё-таки Земля вращается вокруг Солнца. Что в фактах-то поменялось? Да ничего не поменялось в фактах. Как крутилось всё, так и крутится. Откуда пришла в голову учёным того времени эта идея? А кто ж его знает, откуда берутся интерпретации. Это творческий процесс, ответа нет. Во всяком случае, я не берусь ответить на вопрос, откуда возникают интерпретации.

Ещё один момент, тоже связанный с тремя уровнями, особенно с бытовым. Александр Владимирович [Голубев] говорил, что есть некоторые популярные представления, а есть ещё то, что потом оказывается в сознании всех людей, — мифы. Правильно я понял? Казалось бы, это уже такой совсем приземлённый слой: вот есть высокая наука, а есть пыль под ногами, интерпретации непрофессиональных людей скорее всего мифологического характера.

Однако тонкость-то как раз заключается в том, что для исторического процесса эти интерпретации, эти «бытовые теории» и есть самое важное. Почему они наиболее важны? По понятным причинам: ведь люди принимают решения и совершают действия, исходя из своих «бытовых» представлений. То, что в наших представлениях сложилось, — три раза искажённое, шесть раз перевернутое, насквозь мифологическое, — оно и определяет наши действия. Покажите мне хоть одного живого человека, который принимает решения на основе толстых томов научных книг. Таких людей нет, не было и не будет, потому что решения принимаются совсем на других основаниях. Неважно, какие это решения, — решение выпить кофе или чая для меня или решение послать войска туда или туда.

На решения влияет масса факторов, среди которых объективные научные факторы и теории составляют, по экспертной оценке, процентов десять, а всё остальное — это собственные интерпретации, это чье-то враньё, мифы и всё прочее. Это реальный процесс принятия решений. Его начали всерьёз изучать более полувека назад, и тогда родился термин одного из исследователей, который занимался процессом принятия решений, — административных, кстати, решений, — это понятие *muddling through*. Чиновники принимают решения не по науке, не по моделям с целевой функцией и ограничениями, а *muddling through*, «прокарабкиваясь» через завалы фактов, «бытовых теорий», вранья и неверных интерпретаций.

А что такое неверные интерпретации? Какая интерпретация верна применительно к истории минойцев: грандиозные каменные строения — это дворцы или храмы? Факты все перед вами, обмолачивайте их, докажите, что это было! Вы не сможете этого сделать. Вот коллега говорит, это были дворцы. Люди, которые копают сегодня, сейчас говорят, что это были храмы. Так что это было? (**Реплика:** «Дворцы»). Санторин уже раскопали, дворцов там не обнаружили, там вряд ли сохранился дворец, а город раскопан, хотя в него, к сожалению, в последние годы не попасть. Но это частные вопросы. А вот вопрос о том, была ли

минойская цивилизация организована вокруг дворцов или вокруг храмов, — это вопрос абсолютно открытый, и на основе той фактуры, которой мы располагаем, возможны разные равно убедительные интерпретации.

А теперь представьте ситуацию: надо сегодня принимать важные политические решения, факты из недавней истории известны, а единой интерпретации — «единственно верной теории» — нет, её еще не создали. Известные факты позволяют равно убедительные трактовки, так что политик неизбежно будет принимать эти решения *muddling through*. Изменится ли что-то, если одну из интерпретаций он «для убедительности» объявит правильной, а все остальные — ложными?

Заканчивая не рискую сказать «анализ» — изложение своего восприятия дискуссии, я хочу ещё раз подчеркнуть, что интерпретации, несмотря на всю их относительность, на всю их социальную и идеологическую обусловленность, это очень мощная вещь, которая на самом деле движет людьми. В связи с этим попытки, скажем, административно-законодательно упорядочить те или иные интерпретации, безусловно, возможны. Мы знаем их, реально знаем. Есть законы, предполагающие уголовную ответственность за несогласие с теми или иными официальными интерпретациями. Это реальность, в которой мы живём. Это очень напоминает мне ситуацию, которая уже имела место лет четыреста-пятьсот назад, когда за сомнительную интерпретацию очевидных, наблюдаемых всеми фактов вращения Солнца вокруг Земли, инквизиция решила, что Галилео Галилея надо карать. Будем карать?

С. П. Капица

Десять лет назад проблему с Галилеем пересмотрели — через 500 лет.

В. Л. Тамбовцев

Вот в этом-то и проблема. С одной стороны, вроде бы все понимают, что знание развивается, как-то меняется, а с другой — сплошь и рядом попытки зафиксировать, причём законодательно зафиксировать, безусловно, относительный, неполный, неокончательно достоверный уровень нашего понимания и пресекать альтернативные интерпретации. Странно.

О. В. Вьюгин

Я хотел бы уточнить эту мысль. Всё-таки история как наука базируется на фактах, которые черпаются из оригинальных документов. Конечно, факты, которые содержатся в оригинальных документах, могут не давать полной информации для того, чтобы можно было сделать однозначный вывод. Но всё-таки история — это наука. Она базируется на конкретных фактах, которые отражены в оригинальных документах. Например, подписанный договор Ялтинской конференции — это оригинальный документ. Но этого мало, потому что, мне кажется, когда мы говорим об исторических фактах, нам всегда хочется знать мотивацию. И вот когда дело касается мотивации, мы начинаем изобретать.

Если бы Сталин вёл дневник и каждый день записывал, какое он принял решение и почему, тогда бы мы располагали оригинальной мотивацией, хотя не исключено, что он мог и покривить душой, и неизвестно, можно ли было бы этому верить. Но без мотивации история не получается, потому что если в кучу собрать факты, то это будет просто куча фактов. Люди неизбежно начинают мотивировать действия — вот, что составляет основу интерпретации, на мой взгляд, а не недостаток фактов или их домысливание.

Я не историк, но меня истории учили в школе в Советском Союзе и ещё в Московском университете, и я замечал, что факты всегда есть, они выстроены, — я их не проверял, но верил, что эти факты почерпнуты из оригинальных источников. Но мне всегда на этих фактах мотивировали действия, говорили, что поступили так, потому что было так-то и так-то. И это преподносилось как истина. А истина ли это — большой вопрос.

В. Л. Тамбовцев

Вы абсолютно правы, Олега Вячеславович. Я имел в виду это тоже, но есть гораздо более глубокая вещь, связанная с тем, что понятие факта в современной методологии науки неотъемлемо от концепции. Вот что есть факт?

С. П. Капица

Это вещь, которую можно оспаривать, потому что...

В. Л. Тамбовцев

Можно. Это сугубо философская точка зрения.

С. П. Капица

А есть ещё познание, есть ещё фактоиды — это вещь совсем непонятная.

Реплика из зала

...повторяющийся эксперимент — можно десять раз проверять, верна ли ваша теория.

С. П. Капица

А в истории вы наблюдаете то, что есть. Правда, в астрофизике вы тоже наблюдаете — там вы особенно не поэкспериментируете. Так что здесь разные вещи.

Но как вообще потребляется знание? Через интерпретацию, от этого вы никуда не денетесь. Но выше интерпретации есть понимание, которое...

В. Л. Тамбовцев

Сергей Петрович, прошу прощения, что я имел в виду, когда мы говорим о фактах. Возьмём, например, такой совсем простой механический уровень: мы говорим, можно сказать, что длина этого стола такая, толщина такая, твёрдость такая. Вот длина, толщина, твердость — это же концепции. Будь у нас другое мировосприятие, мы бы, может быть, апеллировали к другим концепциям. И факты были бы другие.

Факты неотделимы от языка. Факты вне языка — это может быть цифровой язык, это может быть качественный язык, но факты вне языка не существуют. Факты — отражение реальности в том или ином языке. От этого никуда не уйдёшь.

С. П. Капица

Мысль относительно Минойского дворца заставила меня подумать о том, что через сто или двести лет раскопают это здание и будут спорить, что это было — место, где двигались деньги или двигались идеи? И кто здесь заседал? И спор этот будет нескончаем, как спор, затеянный сейчас у нас.

И. Н. Шумейко

Один пример, в котором есть и факт, и интерпретация, и коллаборационизм.

В десятитомнике «История Великой Отечественной войны», изданном в советские времена, когда историков под руку никто не толкал, в графе «Движение Сопротивления в Европе» есть такой важный пункт: «Примером Сопротивления является забастовка французских шахтёров 1943 года». Факт абсолютный. Действительно, они бастовали. Даже можно предположить, что нашим бойцам в окопах зачитывали краткие сведения из международной жизни о том, что нас вся Европа поддерживает: французские шахтёры бастуют.

Как можно это интерпретировать сейчас? Когда забастовка является оружием? Только на работающей исправной шахте — я уже говорил об этом. Тем не менее так записано в истории. Но сугубо бытового взгляд на этот факт перечёркивает эту концепцию, возможностью интерпретировать его пренебрегли.

С. П. Капица

Я бы хотел попросить выступить Евгения Рувимовича Арензона, литературоведа, ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН. Прошу Вас!

Е. Р. Арензон

Мне интересна тема соотношения Первой и Второй мировых войн. Сергей Петрович в своём вступительном слове точно отметил: «Исторически это одно событие». Действительно, первая половина XX века предстаёт взаимосвязанной цепью военно-политических катаклизмов. Что является их общим знаменателем? Решаюсь употребить слово «национализм» в его самом общем или даже обыденном смысле, хотя определением этого понятия занималась философия всего XVIII, да и XIX веков.

Каждый народ, желая быть субъектом истории, точнее некоей всемирной жизнедеятельности, проходит разные фазы «национализма» — от наивной этнографии до эгоистического самоутверждения в якобы исконно ему принадлежащем природном ареале. А те народы, которые давно обладают статусом юридического лица, пытаются свою государственность углубить и расширить, не очень считаясь с желаниями соседних племён. Последние сто-двести лет европейской истории (при всех великих цивилизационных достижениях человечества) переполнены этническими, религиозными, территориальными противоречиями вполне локального значения, приобретающими в силу разных причин универсальную значимость.

Е. Р. Арензон

Первая мировая война началась радикалами сербского национального единства в мало кому интересном захолустье Балкан (в Боснии). Кончилась же она разрушением или сильнейшим кризисом огромных империй. Когда после Версальского мира государственно возродилась Польша, это было как бы преддверие Второй мировой войны, поскольку новый европейский суверен стал актуальным врагом и для побеждённой Германии, и для выпавшей из мирового концерна Советской России.

После Первой войны появились совершенно новые государственные образования типа Югославии или Чехословакии, чреватые собственными этническими противоречиями, которые позднее решались иногда сравнительно толерантно, а чаще дикими кровопролитиями. Российская империя трансформировалась в особую систему советско-большевистского федерализма, достаточно прочного при наличии тотальной идеологии, но с неизбывной опасностью центробежного сепаратизма при ослаблении этих политических скреп.

В прошлом году в европейских общественных институтах очень активно обсуждалось тождество нацизма и сталинизма. Для меня это неприемлемая либеральная шизофрения. Ведь речь идёт не о Гитлере и Сталине как конкретных психопатах. Дело в сравнении больших идеологических и государственных систем. Векторы их генетически абсолютно противоположны. Когда Германия разбила Польшу, она и не думала, что можно собрать какое-то приемлемое польское правительство, хотя на территории вновь организованного генерал-губернаторства было достаточно профашистски настроенных людей, готовых для коллаборационизма. Всё дело в том, что расистский рейх в принципе не нуждался пусть в слабой, пусть сломленной, но элементарно сохраняющей своё национальное самосознание Польше.

Польские коммунисты при всей своей марионеточной зависимости от СССР после 1945 года возрождали народную республику как национально-исторический организм Речи Посполитой. И в системе Варшавского договора Polska в самом деле *nie zginęła* («Польша не погибла»). Антикоммунист Л. Валенса стал президентствовать под тем самым национальным штандартом, который не отменялся несколькими формациями правивших страной коммунистов (от Б. Берута³³ до В. Гомулки³⁴, от В. Ярузельского до А. Квасневского).

В нашей дискуссии обозначена тема «войны историй». Приведу несколько историй, касающихся бывших советских республик. Есть сложная и ещё плохо освоенная история украинского народа. Существует мнение о совершенно неожиданной, возрастом 15 лет, незалежной Украине. Но ядро государственности (в современном смысле) возникло там весной 1917 года, когда украинский историк М. С. Грушевский стал в Киеве председателем Центральной Рады.

В системе СССР, как любая другая республика, Украина имела, разумеется, ограниченный набор реальных прав. Тем не менее на Украине была создана мощная Академия наук, развивался литературный язык титульной нации как основа многоаспектной национальной культуры.

---

³³ Болéслав Бёрут (наст. Бернацкий, псевдонимы: Яновский, Иванюк, Томаш, Беньковский, Рутковский; (1892–1956) — польский партийный и государственный деятель, первый президент ПНР.

³⁴ Владислав Гомулка (1905–1982) — польский политический лидер; генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943–1948, первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) в 1956–1970 гг.

В 1945 году Украина стала членом ООН. Можно по этому поводу подхихикнуть, но лучше понять тот факт, что послевоенное международное признание украинского государства (при всей его условности) с 1992 года стало важным обстоятельством для утверждения нового статуса киевского руководства («Украина не Россия» — элементарно простой тезис Л. Кучмы).

И тут же вспомним, как жестоко просчитались галичане-националисты, радостно объявившие себя верными союзниками Гитлера. Одеть часть украинцев в эсэсовскую форму, дать им карт-бланш на самостоятельное истребление «ляхов» и «жидов» по всему ареалу украинской исторической исконности — это нацистам ничего не стоило. Но вот провозглашение в Львове идеи украинской державы обернулось для С. Бандеры и его единомышленников конфузом: их интернировали в особом концлагере, а не отправили в Киев, чтобы оттуда под аккомпанемент великого Кобзаря утверждать геополитические притязания нового государства. Самостоятельность Украины была для Германии совершенно дикой идеей. Германия нуждалась в богатой украинской территории, опыт освоения которой имели фольксдойче («этнические германцы», которые жили в диаспоре, т.е. за пределами Германии. — *Ред.*) со времён Екатерины Великой.

Что касается собственно России, то не за неё, враждуя с «иудеобольшевизмом», воевал Гитлер. По нацистским идеологическим установкам надо было уничтожить самое представление об историчности Российского государства. Надо было прекратить существование таких культурно-условных центров, как Москва и Петербург. Территория до Урала становилась «жизненным пространством немецкой нации». За Уралом возможен был, по крайней мере на неопределённое время, японский протекторат..

Обсуждая сегодня результаты и далеко идущие следствия Мировой войны, историческое сознание, не зашоренное сиюминутными политическими дрызгами, должно, на мой взгляд, думать о возможном балансе между естественным национализмом и неизбежно-глобальным интернационализмом в отношениях между разными странами и народами. Поэтому нелепо и опасно, когда, например, в Литве провинциально мыслящие демагоги заняты подсчётом денежных претензий к России за нанесённый ею экологический урон, за невинно репрессированных советской властью литовцев.

Мы возвращаемся, понятно, к теме войны историй. Я не собираюсь доказывать, что СССР и Россия как правопреемница несуществующего

государства всегда и во всём исторически безупречны. И всё же не следует забывать, что третья часть современной Литвы вместе с её столицей (прежним польским городом Вильно) не отвоёваны героическими усилиями потомков Гедиминасов³⁵ и Ягайл³⁶. Это, так сказать, исторический подарок Литве от «отца всех народов».

Кто кому должен? Как сконструировать безупречный механизм исторических весов? Маленькая Литва, расположенная между славянами России, Белоруссии, Польши, имеет на янтарном берегу Балтики выход в Европу как её безусловно интегральная часть. Но вместо расширения гуманитарного горизонта некоторые руководящие политики (в Литве ли, в Грузии, в других замечательных краях бывшей Империи и бывшего Союза) льют, как говорится, воду на мельницу русского национализма в его неизбежно великодержавной интенции. Это опасно, ребята! Давайте жить дружно...

С. П. Капица

Спасибо, Евгений Рувимович, по-моему, это важное замечание и по существу очень актуальное в дискуссии, которая сейчас у нас так или иначе развивается.

Следующее выступление Сергея Сергеевича Секиринского, профессора Государственного академического университета гуманитарных наук при РАН.

С. С. Секиринский

Начало нашей дискуссии заставило меня вспомнить высказывание одного позднеантичного автора об идеальном историке. Имея перед собой многовековой опыт развития историографии в древнем мире, в том числе во множестве городов-государств, у каждого из которых была своя история, он сформулировал такую максиму: «Настоящий историк должен быть человеком без родины». Только возвысившись над тем, что его связывает с родной землей, он будет в состоянии постичь истину.

---

³⁵ Гедимин (ок.1275–1341) — основатель династии Гедиминовичей, соправитель Литвы (или князь Жмудский; ок.1295–1316). Великий князь Литовский (1316–1341).

³⁶ Ягайло (ок. 1351–1434) — великий князь литовский и польский король; внук Гедимины, сын Ольгерда и православной княгини Юлиании (Ульяны Александровны Тверской).

Разумеется, это была утопия, хотя ситуация, породившая эту утопию, принципиально не изменилась. По-прежнему идет «война историй» — дух воинственности витает и над нашей дискуссией. В этом духе выдержан тезис о том, что память о войне у разных народов в принципе *не сводима к общему знаменателю*, как и сравнение ее с табуреткой для висельника, к которой нельзя прикоснуться, — иначе погибнет человек, погибнет Россия.

Прошрое, конечно, нельзя изменить, но поскольку любой исторический факт неразрывно связан с интерпретацией, как об этом уже говорил Виталий Леонидович Тамбовцев, постольку *понимание* прошлого должно непрерывно уточняться и углубляться. Раздраженные сетования на то, что историю все время переписывают, — *по-своему*, на дилетантском уровне, — отражают эту закономерность процесса познания, его бесконечность.

Но поскольку общий вектор нашего разговора все-таки меняется от воинственности к более конструктивной дискуссии, мне бы хотелось обратить ваше внимание на то, что «история Победы», о которой мы говорим, — это не только история войны, целью и результатом которой была победа. За истекшие *две трети века* вполне сформировался новый предмет для широкой рефлексии, в том числе и для специального исторического анализа: победа как фактор послевоенной судьбы страны-победительницы.

Этот исторический сюжет развивается дальше на наших глазах: в текущем году мы отмечаем 65-летие Победы в последней большой войне, а спустя два года — 200-летие победы в Отечественной войне 1812 г. Похоже, что две официальные годовщины, два общественных торжества выстраиваются в нашей памяти в *один ряд*, поскольку последняя большая война наложила сильный отпечаток на восприятие у нас в стране и «войны Двенадцатого года». *Параллели* подсказывала сама военная обстановка; их *многократно* усиливала пропаганда, надолго оставившая след в трактовке темы. Но и после мая 1945 года параллели продолжали выстраиваться уже между результатами этих двух войн. Вполне реальные параллели, до конца нами, кажется, еще не осознанные.

В обоих случаях Победа как цель вооруженной борьбы становилась национальным праздником и составной частью публичного политического ритуала, слагаемым национального менталитета («мы — победители!») и аргументом официальной идеологии, поводом к появлению новых общественных ожиданий и консервации существовавших

С. С. Секиринский

порядков, основанием для роста международного авторитета страны и проведения имперской политики в отношении других стран и народов.

В то время как окружающий мир — и после Наполеона, и после Гитлера — быстро менялся, ход времени превращал победу у нас в стране из не растрченного национального достояния *в упущенный шанс* на обновление жизни.

Задача состоит в том, чтобы все-таки придать нашей коллективной исторической памяти рациональный характер исторического урока. Из поколения ветеранов Двенадцатого года вышли люди, которые почувствовали ритмы истории, ощутили себя вправе участвовать в исторических событиях, быть гражданами своей страны. Судьбы фронтовых поколений после 1945 года сложились иначе. Эта тема — *фронтовики после фронта* — еще ждет исторического исследования. Большинства уже нет в живых. Но почти в каждой семье сохранились фотографии ветеранов. Было бы здорово, если бы именно их мы выставили в праздничные дни на ветровых стеклах автомашин, на своих рабочих столах, везде, где это уместно. Виктор Гюго когда-то заметил: «У народов

существует идиотская привычка приписывать королям собственные подвиги... Колосс служит пьедесталом и любит стоящим на нем пигмеем. Какой великий карапузик! Он взобрался ко мне на спину!».

Нам нужен праздник с человеческим лицом — лицом солдата, а не тирана. Современный историк Виктор Шевырин сочинил замечательно-точный афоризм: «Грабли — наше наступательное оружие». И в этой области нам пора перестать наступать на грабли.

С. П. Капица

Мне бы хотелось сказать несколько слов по поводу послевоенного синдрома.

Наша армия при Александре I, которая побывала в Париже, вернулась с главным результатом: она увидела опыт Французской революции. С одной стороны, это привело к декабристам, а с другой — к тому, что дворянство, которое вернулось с этой войны с чинами и амбициями, расселилось по всей периферии России. Таковы были мои предки со стороны матери, деда и отца. Они получали большие наделы земли на Дальнем Востоке нашей страны. И это был способ решить проблему критически настроенного сословия, возвратившегося с войны.

Далее. Западная Европа не отмечает победу как праздник. Это Amnesty Day — день покаяния, по существу день мира, а не победы. Есть большая разница в том, как они отмечают этот день по сравнению с нами. И здесь некое столкновение традиций. Мы возвеличиваем Победу, а они, участвуя в этом празднике, рассматривают его иначе — как день памяти погибших со всех сторон. (**Реплика:** «Жертва тоже соучастник преступления».) Да, жертва тоже соучастник преступления. Так что здесь есть моральные проблемы.

Продолжим наш разговор. Пожалуйста — Андрей Михайлович Турков, литературовед, писатель, критик.

А. М. Турков

Сергей Сергеевич [Секиринский] сказал: «наша коллективная память». Коллективной памяти нет.

Знаете, не так давно умер пристальный исследователь литературы о Великой Отечественной войне Лазарь Лазарев, редактор журнала «Вопросы литературы». В одной из своих последних книг он написал такую, по-моему, очень точную фразу о том, что сразу после войны было

А. М. Турков

две правды о войне — правда официальная, сводившаяся к угодничеству перед вождём, и правда народная, которая, если вспомнить слова нашего нынешнего юбиляра Александра Трифоновича Твардовского, «жила, кипела, ныла». Не побоимся такого слова «ныла» — ныла, как рана, как незажившая боль. И эта правда всё время выплывала сквозь то, что было официальным.

Да, как вы знаете, у нас были изменники Родины — пленные. И рядом была поэма Твардовского «Дом у дороги», в которой герои, во-первых, были по анкетным данным страшно подозрительные: муж — «окруженец», то есть уже плохо, а жена — на оккупированной территории. Сегодня эта тема прекрасно прозвучала, но мы знаем, что её очень долго как бы не было. Кроме того, в поэме была глава о пленных, написанная с великой болью. Как идут эти люди, которые такие разные:

Тот, воин, силой взят
И зол, что жив остался.
Тот жив и счастьем рад,
Что вдруг отвоевался.
Тот ничему цены
Еще не знает в мире.
И все идут, равны
В колонне по четыре.

Так они у нас и шли через наши официальные каналы. В дальнейшем происходила борьба этих двух правд. А сейчас ещё осложнилось, потому что вроде бы кажется, что не совсем ещё исчезла эта официальная правда. Она где-то ещё даже вверху как-то продолжает поддерживаться, но кроме того, понимаете, у нас в массовом сознании появилась правда, очень близкая к официальной: вроде демократически настроенные люди говорят о великих заслугах Сталина и т. п. Всё это безумно сложно.

Сергей Сергеевич затронул также очень важную тему о судьбе поколения победителей. Был такой поэт Сергей Наровчатов, очень разный, но где-то в 1970 году он написал удивительное стихотворение, которое я позволю себе прочесть³⁷:

Не будет ничего тошнее,
Живи еще хоть сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

Стою в намокшей плащ-палатке,
Надвинув каску на глаза,
Ругая всласть и без оглядки
Все то, что можно и нельзя.

Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел проклятый дождь, —
Пока поднимут в наступление,
До ручки, кажется, дойдешь.

---

³⁷ Наровчатов Сергей Сергеевич (1919–1981) — русский советский поэт; участник советско-финской и Великой Отечественной войн; секретарь Союза писателей СССР, первый секретарь Московского отделения СП РСФСР (с 1971), главный редактор журнала «Новый мир» (1974–1981). Стихотворение «О главном». 1970 г.

Ведь как-никак мы в сорок пятом,
Победа — вот она! Видна!
Выходит срок служить солдатам,
А лишь окончится война,

Тогда-то, главное, случится!..
И мне, мальчишке, невдомек,
Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.

Что ни главнее, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

За этим стоит трагедия поколения. Очень многие так и не увидят ничего важнее войны...

А другой поэт, Михаил Дудин³⁸, вроде бы верноподданнейший из верноподданных, перед смертью написал стихотворенье, в котором были такие слова: «Была ли победа? Была да сплыла.//Осталось одно поражение»³⁹.

Понимаете, перед чем стоим? Тема войны — такая боль! Это по-прежнему живёт и поет.

С. П. Капица

Сегодня на нашем заседании присутствуют представители Клуба адмиралов. Мы рады их приветствовать. Я думаю, они сами решат, кто из них выступит. Пожалуйста.

В. Г. Кондаков

Клуб адмиралов — это общественная организация, в которую входят действующие и уволенные в запас офицеры Военно-Морского Флота.

Я — Кондаков Василий Георгиевич, вице-адмирал, в августе прошлого года сдал дела первого заместителя командующего Черноморским Флотом. Слово «первый» сейчас отменено начальником Генерального

---

³⁸ Дудин Михаил Александрович (1916–1993) — русский советский поэт, переводчик.

³⁹ Из стихотворения «За поездом диким...». Нева, 1992, № 11–12, с. 4.

штаба Анатолием Васильевичем Квашниным в процессе борьбы с генералитетом на фоне демократизации нашего общества после последней революции 1991 года.

Большая война, Великая война — это художественные термины, с точки зрения военных. Есть определения «всеобщая война», «локальная война», «военный конфликт» и т. д.

Почему переписывается история? Сколько людей — столько и мнений. Всё зависит от личности в истории. Владимир Ильич Ленин, — напомним, сегодня день его рождения, — почему он взялся за перо и стал писать? И почему взял деньги у немецкого генерального штаба на революцию в России? (**Возражения в зале**). Взял, это доказано. Первопричиной была личная обида на государя-императора. Что потом получилось, все знают.

Следующий момент, о чём говорил господин Исаев, представитель Института военной истории. Стратегия, выработанная во время Первой мировой войны и последовавшей за ней Гражданской, решалась просто: поля России выстигались серыми шинелями наших солдат.

Поручик Тухачевский, который всю германскую войну провел в немецком плену (одно время сидел в одной камере в тюрьме Моабит⁴⁰ с капитаном Шарлем де Голлем), откуда он якобы с пятого захода убежал, а потом каким-то чудесным образом возглавил массы в борьбе за идею социализма и в будущем — коммунизма. Сначала он командовал армией, потом фронтами, одерживал победы. Позор его настиг под Варшавой. Никто же не знает, вернее, наши историки не писали, что начальником штаба при нём всю войну был генерал-лейтенант императорского генерального штаба, который разрабатывал замыслы всех сражений и правильно всё организовывал, а ещё были военные специалисты.

Людей не считали для достижения целей революции, что потом продолжил, извините, товарищ Жуков Георгий Константинович уже во время Второй мировой войны. И про Зееловские высоты много говорят, но здесь были названы совершенно правильные цифры. Это не такие большие потери, если оценить ширину полосы наступления на Берлин и расстановку сил с немецкой и нашей

---

⁴⁰Тюрьма в центре Берлина (построена в 1888 г.), в которой российские узники сидели годами. Отличалась пытками и невыносимыми условиями содержания заключенных; в н. в. — учреждение предварительного заключения (аналог СИЗО).

В. Г. Кондаков

стороны, — потери были там оптимальные. И приказ товарища Сталина был совершенно своевременным: взять Берлин, опередив наших союзников.

Черчилль в 1946 году произнес известную речь в Фултоне⁴¹, с чего началась холодная война. А причина была заложена в 1943 году в Тегеране, когда Черчилль, похлопывая товарища Сталина по плечу, сказал, что у США и Англии (Англия всегда считала и считает себя владычицей морей) сейчас очень сильные флот и авиация, а в Советском Союзе — сухопутные войска. Действительно, у нас были самые мощные сухопутные и танковые войска на момент взятия Берлина и окончания Второй мировой войны. Товарищ Сталин принял решение (конечно, не один, он советовался

---

⁴¹ Фултонская речь — речь, произнесённая 5 марта 1946 г. Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в г. Фултон, Миссури; в СССР считалась сигналом к началу холодной войны.

со специалистами): надо строить флот. Как его потом строили флотоводцы мирного времени — это другой вопрос. И почему сын главы нашего государства, который охаял товарища Сталина, пытался переписать историю и стучал башмаком по столу, — почему его сын Сергей, который занимался крылатыми ракетами, в том числе морского базирования, вдруг оказался за океаном. Где преданность Родине, о которой говорил папа Хрущев?

Идём дальше — Горбачев. Нормальный агент влияния. Вместо того чтобы написать, говоря по-флотски, рапорт и уйти в отставку после развала СССР и потери личной власти и молча сидеть на даче, он ещё имеет нахальство выступать по каналам телевидения и рассказывать, как всё правильно было сделано.

Ну и, наконец, о коллаборационизме, о котором здесь говорили. К кому послал Гитлер своих представителей, чтобы возглавить движение коллаборационистов — выходцев из бывшей России и Советского Союза? К Антону Ивановичу Деникину. Аналитики Гитлера просчитали, что это самая правильная фигура, за которой пойдут. Что ему ответил Антон Иванович? Он ему показал, куда идти. Поэтому нашли захудалого, неудавшегося генерала Краснова, которого по окончании Великой Отечественной войны повесили по приговору Верховного суда СССР.

Но, нравится нам это или не нравится, доказано, что на стороне Гитлера воевало не менее полутора миллионов советских граждан. И существовал 15-й казачий корпус генерал-лейтенанта фон Паннвица⁴², в котором было собрано всё отребье, которое воевало зачастую лучше эсэсовских частей. Года полтора-два назад была такая «слезокапная» передача, не помню её автора, о том как этих казаков в Югославии союзники передали представителям советского командования, и к ним были применены соответствующие меры.

Я никого не оправдываю, в первую очередь товарища Сталина. На мой взгляд, самое хорошее историко-документальное исследование — книга «Генералиссимус» Владимира Васильевича Карпова (отсидев в сталинских лагерях, во время войны он был отважным разведчиком, стал Героем Советского Союза, затем возглавлял Союз советских писателей). В предисловии к своей книге В. В. Карпов пишет, что у него, как ни у кого другого, много причин ненавидеть этого человека, но он несколько десятков лет добирался до архивов, и всё, что в этой книге написано, — правда,

---

⁴² Гельмут фон Паннвиц (1898–1947) — германский военный деятель, кавалерист, участник Первой и Второй мировых войн, казачий атаман.

основанная на архивных данных: Шахтинское дело⁴³, дело Тухачевского и примкнувших к нему и всё остальное действительно было.

Я это говорю к тому, что историю можно оценить на основании анализа архивных документов. Но в Институте военной истории, насколько я владею информацией, архивы освоены только на 6–8%. Или уже больше (обращение к Исаеву. — *Ред.*)?

А. В. Исаев

Учитывая, что в архивах лежат миллионы дел, то да. Но основные, естественно, используются.

В. Г. Кондаков

Вот поэтому и происходит переписывание.

Вчера все видели, с какой радостью было подписано соглашение о продлении базирования Черноморского флота в Севастополе до 2042 года. В этом опять сыграла роль личности. Пришёл к власти Виктор Янукович, назначил новым министром обороны Украины адмирала Ежеля Михаила Брониславовича, который окончил Черноморское Высшее военное училище им. П. С. Нахимова на год раньше меня. Тот сразу убрал командующего ВМС Тенюха, который окончил школу на Западной Украине, с трудом поступил в Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе (сейчас это Морской корпус Петра Великого), а потом из советского капитан-лейтенанта стал злым антисоветчиком и русофобом.

В заключение — о том, что сейчас происходит с вооруженными силами. В плане подготовки к параду — всё красиво. Юдашкин получил такой кусок пирога, что я не знаю, какой должна быть военная форма, чтобы на такие деньги её расшить по-новому. А она срисована с нормальной советской формы.

На днях мне показали написанную пять лет назад книгу, которая называется «В кильватерном строю за смертью»⁴⁴ (в печатном виде не издана). Автор книги был членом правительственной комиссии

---

⁴³ «Шахтинское дело» — дело по обвинению большой группы руководителей и специалистов угольной промышленности из ВСНХ, треста «Донуголь» и шахт во вредительстве и саботаже в Шахтинском районе Донбасса в 1928 г.

⁴⁴ Автор книги — вице-адмирал Валерий Дмитриевич Рязанцев, заместитель начальника Главного управления боевой подготовки Вооруженных сил России по ВМФ.

по расследованию причин гибели подводной лодки К-141 «Курск» и описывает, как всё происходило. В заключение у него такое резюме: «Талантливые моряки в мирное время не нужны военной структуре нашего государства. Они опасны для тех, кто неумело ими руководит. На светлом фоне одарённых людей в полной мере проявляется серость и посредственность, угодничество и приспособленчество, трусость и предательство. Военные моряки, которые в мирное время готовят себя и своих подчинённых к войне, становятся белыми воронами среди тех, кто облагораживает дороги и территории военных городков, кто строит столовые и хранилища, кто не показывает, как надо делать, а рассказывает, как должно быть, и кто занимается политикой, а не военным делом. Моряки, которые умеют воевать, в мирное время незаметны. Их талант может проявиться только в боевых или в экстремальных условиях».

Я думаю, все помнят, что государь-император Александр II, благословляя своего сына Александра Александровича на царство, напомнил одну аксиому, которая не требует доказательств: у России не было, и нет союзников; есть только два союзника — армия и флот. Но нынешний начальник Генерального штаба, который закончил всё с золотыми медалями, генерал армии Макаров⁴⁵, ненавидит флот. Когда-то товарищ Жуков с позором выгнал из своего кабинета Николая Герасимовича Кузнецова⁴⁶, объявив ему в грубой форме о разжаловании и отставке после затопления в Севастопольской бухте линкора «Новороссийск». Через полтора года с Жуковым случилось то же самое, и он был предан забвению.

Возвращаясь к теме, почему мы победили в войне. Потому что была организация, была национальная идея, потому что было воспитано поколение людей, фанатично преданных существовавшему строю, потому что были людские ресурсы и была своя территория, своя земля.

---

⁴⁵ Макаров Николай Егорович (1949 г.) — российский военачальник; начальник Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации — первый заместитель министра обороны Российской Федерации (с 2008 г.); член Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (с 2009 г.).

⁴⁶ Кузнецов Н.Г. (1902–1974) — военно-морской деятель, адмирал; возглавлял советский ВМФ (в 1939–1947 и 1951–1955 гг.). В декабре 1955 г. Кузнецова под предлогом виновности во взрыве на линкоре «Новороссийск» сняли с должности (в это время он находился в отпуске по болезни); в феврале 1956 г. Кузнецова понизили до вице-адмирала и уволили в отставку с формулировкой «без права работать во флоте». В 1950–1980 гг. роль Кузнецова в войне замалчивалась.

Наконец, последнее. Сергей Петрович, у меня, может быть, получилось несколько сумбурное выступление, я первый раз в таком собрании. От Клуба адмиралов, который возглавляет главнокомандующий Военно-морским флотом России адмирал Владимир Иванович Куроедов, на долю которого пришлось самое тяжёлое время после революции 1991 года и к которому было очень много незаслуженных претензий со стороны СМИ (могу сказать с полной ответственностью, что история ещё рассудит, какой это был главком), — от имени главкома Куроедова, передаю его личные признания в уважении к Вашему клубу и Вам лично как президенту Никитского клуба! Как черноморец преподношу Вам книгу «Черноморский флот в Великой Отечественной войне». **(Аплодисменты.)**

С. П. Капица

Спасибо. Я очень Вам благодарен. У меня давние связи с флотом через моего деда Алексея Николаевича Крылова⁴⁷. Так что я немного знаю о флоте.

В. Г. Кондаков

Я в курсе. Была такая специальная военно-морская инженерная академия имени А. Н. Крылова (Военно-морская академия кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова (1945–1960). — *Ред.*).

С. П. Капица

Совершенно верно. Я очень рад, что Вы сегодня участвовали в нашем собрании, и я Вам очень благодарен за то, что Вы сказали. Потому что Вы нас поставили на землю или на море, я не знаю, и показали, какие конкретные вопросы стоят перед военными. У нас бывал маршал Сергеев⁴⁸, но он не выступал, только слушал. Незадолго до его кончины у меня состоялась с ним очень интересная беседа. Он пригласил меня в свой кабинет в Клуб военачальников, который он в то время возглавлял, и мы с ним говорили, вернее, я его слушал. Мне этот разговор очень

---

⁴⁷ Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) — русский и советский кораблестроитель; генерал для особых поручений при морском министре Российской империи (1911); член-корр. Императорской АН (с 1914), академик Петербургской АН/АН СССР/(с 1916); дед С. П. Капицы по материнской линии.

⁴⁸ Сергеев Игорь Дмитриевич (1938–2006) — российский государственный и военный деятель; министр обороны России (1997–2001), помощник Президента Российской Федерации по вопросам стратегической стабильности (2001–2004). Маршал Российской Федерации (1997), Герой Российской Федерации.

запомнился. И сегодня Вы напомнили мне те же мотивы, о которых он говорил.

Мы подходим к завершению. Я хочу дать слово нашему гостю — епископу Павло-Посадскому Кириллу, наместнику Донского ставропигиального мужского монастыря, викарию Патриарха Московского и всея Руси. Прошу Вас, Ваше Пресвященство!

Кирилл, епископ Павлово-Посадский

Христос воскресе, дорогие друзья! Спасибо большое, Сергей Петрович, что пригласили меня на ваше заседание.

Я один из самых молодых епископов Русской Православной церкви, моя хиротония (рукоположение. — *Ред.*) состоялась 29 ноября 2009 года, после меня в РПЦ появилось только два епископа. Я совершенно новый человек в Москве, прожил жизнь на Урале. Семинария, Академия, потом 20 лет в Нижегородской епархии, и вот только-только в Москве. И мне всё интересно, что происходит в Москве, очень интересно слушать людей, несмотря на все заботы, которые у меня есть.

Дорогие друзья! Мой разговор, конечно, будет о правде: «Есть ли безусловная или условная правда в истории?» В истории, конечно, безусловной правды нет. Но есть правда на земле, есть правда в человечестве, есть правда в огромном количестве людей и их поступках. И вот об этой правде я бы хотел сказать. Тезисно, поскольку время уже позднее. Многим людям очень комфортно жить вне правды. И когда они мне говорят, что привыкли к этому, — они просто заблуждаются. С опытом и с седой уже бородой я начинаю осознавать, что это далеко не так. Не многие, на самом деле, заблуждаются. Большая часть из них живёт так, потому что им комфортно жить вне правды. И мы сегодня, подводя правду о войне, должны внести свой определенный вклад в эту поистине безусловную правду о войне. Только так я расцениваю сегодняшнее мероприятие при самых разных выступлениях и взглядах.

Безусловно, для меня очень большим вкладом в правду о войне является фильм «Поп». Владимир Иванович [Хотиненко], я плакал на премьере Вашего фильма, спасибо Вам большое! Правдой о войне является работа поисковиков, ребят, которые находят сегодня останки воинов, устанавливают памятники, кресты на местах захоронений и т.д., находят сегодня много фактов.

Я считаю свидетельством этой нашей правды — не немецкой, не американской, а нашей правды, — огромные жертвы русского народа,

Кирилл, епископ Павлово-Посадский

павшего в войне. Это моё личное мнение — не церкви, моё личное: правда свидетельствует, что одной из причин вовлечения России в войну было предыдущее кровопролитие в России. Это метафизика, это философия, это богословие, но я считаю, что это так. Если бы не было этого кровопролития, то, я считаю, Россия, возможно, не была бы вовлечена в эту страшную Великую Отечественную войну.

Считаю, что правда свидетельствует о том, что мы победили не благодаря, а вопреки. Считаю, что правда свидетельствует о том, что война — одна из страшных, больших, но не главных страниц в нашей истории. Иначе слишком коротка наша память и слишком велика история России, уже не говоря об истории мира.

Нам сегодня обязательно нужно это знать, потому что во всём мире так поменялась правда о войне, и чтобы нам сегодня по-другому строить свою новую жизнь, это не должно быть главной историей

войны. Я считаю, что правда свидетельствует о том, что, к сожалению, только благодаря войне стало возможным развитие и сохранение Русской Православной Церкви. Правда свидетельствует о том, что мы забыли все или почти все уроки войны, — и в политике, и в экономике, и в духовности, и в других вопросах. Правда, наконец, свидетельствует о том, что есть огромное количество людей — носителей этой правды, и наш разговор, наша сегодняшняя встреча — это вклад, пусть очень малый вклад в эту правду о войне. Спасибо большое! (**Аплодисменты**).

С. П. Капица

Спасибо большое, Ваше Преосвященство за Ваши слова. Они, несомненно, по-моему, отвечают тому, что мы делаем. Единственное, что я могу сказать, что церковь, церковное учение научило ещё нас различать правду и истину. А об истине в истории мы сегодня даже не упоминали. Может быть, там её и вовсе нет? И поиски правды остаются...

И наконец совсем уже последнее выступление: Александр Михайлович Рубцов, заместитель генерального директора по научно-просветительской работе Театрального музея им. А. А. Бахрушина, заслуженный артист России.

А. М. Рубцов

Вчера, 21 апреля, в Театральном музее им. А. А. Бахрушина, которому исполнилось 150 лет, мы открыли выставку «Театральная Москва 1941–1945». Одна из очень важных тем этой выставки — театрально-фронтовые дневники. С инициативой вести такие театрально-фронтовые дневники выступили сотрудники Бахрушинского театрального музея. И вот, фронтовые театры Евгения Вахтангова, Малого театра, Театра ВТО, как и провинциальные театры из Саратова, из Костромы, записывали сюда (показывает тетрадь. — Ред.) вот такие рукописные тексты, всё важное, что они видели на фронте. Это и документ, и интерпретация.

Расскажу один короткий сюжет. Очень известные актеры Алла Константиновна Тарасова и Михаил Иванович Жаров приехали на фронт, чтобы выступить в одном из полков. Но там размещались два полка — полк артиллеристов и полк кавалеристов. А. К. Тарасова и М. И. Жаров совершенно чётко описывают, как их встретили, куда повезли. История была окрашена, конечно, эмоциями, потому что

А. М. Рубцов

кавалеристы их «украли», и артисты выступили у кавалеристов и только потом, спустя некоторое время, вернулись к артиллеристам.

В этих дневниках много фотографий, они почти выцветшие, газетные вырезки — уникальны, поэтому я приглашаю вас разделить с нами радость нашей экспозиционной деятельности и прийти к нам в музей. Мы с удовольствием познакомим вас и с документами, и с уникальными письмами Анатолия Дмитриевича Папанова, Иннокентия Михайловича Смоктуновского — они тоже были участниками войны. Это очень интересные документы.

С. П. Капица

Спасибо, Александр Михайлович!

Я хочу поблагодарить всех присутствующих за очень активное участие в нашей сегодняшней дискуссии и пригласить на бокал вина в честь праздника Победы!

**Вице-адмирал В. Г. Кондаков вручает С. П. Кашице книгу
«Черноморский флот в Великой Отечественной войне»**

**Слева направо: Барсуков В. И., Кондаков В. Г., Хотиненко В. И.,
Кашица С. П., Выюгин О. В.**

Феликс Разумовский,

историк, писатель, автор и ведущий исторической программы
«Кто мы?», т/к «Кульгура»

«Не в силе Бог, а в правде»

Великая Отечественная Война
и судьба русского национального самосознания

1.

...С первых дней войны жизнь города Смоленска заметно меняется. На улицах — бесперывное передвижение войск и бесконечные проверки документов. На каждом шагу — посты милиции, НКВД и красноармейские патрули с ручными пулеметами.

Это не что иное, как обострившаяся до карикатурных размеров шпиономания. Все ловят «немецких шпионов и диверсантов». Обычная советская показуха: создается видимость порядка и активной деятельности всевозможных органов — партийных и советских. На самом деле власть пребывает в параличе и стремительно испаряется.

Сообщения о наступлении немцев и первые бомбардировки города сподвигли местное начальство позаботиться о своей шкуре. Ответственные работники срочно эвакуировались вместе с семьями. В их распоряжении — вместительные служебные автомобили. Это позволяло прихватить с собой кое-что из домашней обстановки и даже дрова.

Зато об известном Смоленском архиве позаботиться оказалось некому. Часть этого архива находилась в церкви Петра и Павла; там были сложены партийные и чекистские дела с 1917 по 1936 годы, секретнейшие материалы, вся подноготная советской власти. Всё это в целостности и сохранности достанется фашистам, а затем после войны попадет в Америку.

Подобная история — бесспорное свидетельство «панической бездеятельности» смоленского начальства. В Москве об этой бездеятельности узнали ещё в начале июля 1941 года. Забил тревогу Штаб обороны районного города Ельни. Товарищи из райкома с начала войны не получали никаких указаний из области. И потому решили направить сигнал в Политбюро: как быть? — все пущено на самотек. И даже такой важнейший для обороны страны вопрос, как подготовка резервов армии.

Представьте себе, призванными по мобилизации красноармейцами, — а это десятки тысяч людей, — в Смоленске никто не занимается. Фронт стремительно приближается к городу, но будущих солдат не обучают,

не одевают и даже как следует не кормят. Красноармейцы, не имеющие обуви, ходят босиком. Получается, что это никому не нужные неприкаянные люди. Часть из них в качестве пополнения успеют отправить в одну из армий Западного фронта. Но чем это кончится? После первого же боя группа мобилизованных перейдет к немцам.

Между тем в начале июля 39-й танковый корпус вермахта в очередной раз прорвал нашу оборону, и 16 июля немцы с ходу заняли большую часть Смоленска. Таким образом, всего за несколько недель, меньше чем за месяц, противник овладел огромной территорией. И это притом что в техническом отношении советские войска намного превосходили фашистов. К началу войны на западной границе у нас было больше и танков, и пушек, и самолетов, и всего чего угодно. Красная Армия была больше армии Третьего рейха. Так в чем же дело, в чем причина этой катастрофы? Почему немцы так быстро «добежали» до Смоленска?

А давайте на этот раз поставим вопрос иначе. Не станем производить сложные военные расчеты, подумаем о другом: как можно защищать русский город, в котором осквернена и находится в небрежении главная святыня? В данном случае это смоленский Успенский собор; в советское время он был превращен в антирелигиозный музей.

2.

Перед войной здесь день за днем объясняли советским людям, как заблуждались их неразумные предки. Какими они были тёмными людьми. Веками верили пустым сказкам лживых попов и вообще — жили неправильно. Далее могли следовать цитаты из классиков марксизма-ленинизма про «опиум для народа» или «духовную сивуху». Это очень помогало проповеди национального бесчестья.

Но самое главное средство в борьбе с религией — это, конечно, сила, террор. Церковь в Советском Союзе власти разрушили жестоко и последовательно. Аресты и расстрелы пастырей и архипастырей стали явлением заурядным. Последнего смоленского архиерея архиепископа Серафима расстреляли в 1937 году. К лету 1941 года Смоленской епархии как таковой уже не существовало, в Смоленске действовала только одна церковь — на кладбище. Остальные храмы города были закрыты. Подобная картина была типичной.

Иными словами, в «самой свободной» и «самой передовой» стране в мире шла полномасштабная религиозная война. Немцы пришли

в разрушенный дом. Не с этого ли нужно начинать разгадку невиданного военного крушения лета 1941 года!

Нашу внутреннюю слабость германское командование не только прекрасно видело, оно делало на это главную ставку в войне. Гитлер заверял своих генералов: «Нам нужно только постучаться в дверь, и вся прогнившая структура рухнет». Фюрер очень надеялся, что вторжение произведет в Советском Союзе политический взрыв и что Сталин будет свергнут своим собственным народом, своими солдатами.

В этих дьявольских расчётах, как ни крути, были свои резоны. Кремлевским правителям нечего было сказать своему народу в критическую минуту. Знаменитое сталинское «братья и сестры» — это, очевидно, совсем не из партийно-большевистской лексики. Чтобы решиться на такие слова, вождю всех времен и народов понадобилось 12 дней. Целых 12 дней он хранил молчание. Глава русской православной церкви местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей написал своё послание пастве в день начала войны — 22 июня.

Это поразительный документ. Удивительное свидетельство духовного и пастырского мужества. В отличие от партийных вождей архипастырь знал, где и как русский народ черпает силы для борьбы с врагом. В послании митрополит Сергей говорит о том, что повторяются времена Батюга, немецких рыцарей, Карла Шведского и Наполеона. «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа... Не оставит она народа своего и теперь... Господь нам дарует победу».

Это послание было оглашено в храмах только 6 июля. Таково было решение советских властей: они не могли допустить, чтобы голос церкви прозвучал раньше голоса Сталина.

Впрочем, не будем обольщаться: слова митрополита и тогда смогли услышать немногие — немногие открыто верующие, то, что называется «верный остаток».

И тем не менее смысл этого послания необычайно важен. Неведомыми нам путями сказанное архипастырем дойдет до сознания нации. Более того, именно эти слова определяют судьбу нашего народа и исход войны. Иначе говоря, антихристианство на русской почве оказалось бессильным. Те, кто убивал беззащитных попов, кулаков и буржуев, при всей своей ярости и одержимости не могли одолеть хорошо вооруженного сильного врага. Таков был для России исторический опыт первых месяцев войны. Этот бесценный опыт нам пришлось оплатить миллионами и миллионами русских жизней.

3.

Недалеко от Смоленска, в районе старинного города Вязьмы, в октябре 1941 года мы потеряли основные силы сразу трех фронтов. Это почти миллион человек — десятки дивизий; 663 тысячи наших солдат попали в плен...

Немцы устроили здесь очередной «котел», то есть они окружили громадную советскую группировку, которая должна была остановить наступление фашистов на Москву. Но что значит окружение такого масштаба? Это элементарное неумение анализировать обстановку и управлять войсками. Полная профнепригодность и бездарность командующих Красной Армии. И Сталин как Верховный Главнокомандующий виноват в первую очередь, потому что без его указаний и директив ни один генерал шагу не мог ступить.

Ну, да ладно, что тут долго говорить. Обратимся к непосредственным участникам этой величайшей военной катастрофы. Как действовали командиры полков, батальонов, рот, как действовали рядовые красноармейцы? Как они воевали под Вязьмой?

Если одним словом, то — по-разному. Были бойцы и командиры беспримерного мужества и стойкости. И они сделали здесь всё, что было в их силах. И даже больше. Но таких было сравнительно немного: сотни, может быть, тысячи. Тогда как десятки тысяч растерялись и пали духом. Это называется деморализацией. Об этом горько говорить, но это так.

Понимаете, само по себе окружение нельзя считать поражением. В окружении можно и нужно бороться, хотя бы для того чтобы нанести противнику максимальный урон. Тем более, вокруг леса и болота, реки текут. Все это естественные препятствия, за которые можно зацепиться.

Если немцы, окруженные под Сталинградом, зимой (!) продержались почти два с половиной месяца, стало быть, в октябре 1941-го Красная Армия могла сопротивляться здесь как минимум столько же. Не так ли? А что на самом деле? На самом деле — всего 6 дней. С 7 по 13 октября советские части оказывали сопротивление в «котлах».

Далее — оружие будет брошено, автомашины, танки сожжены, знаки отличия спороты. И через всю центральную Россию потянутся нескончаемые колонны пленных красноармейцев. Тут, знаете, не надо быть Толстым, чтобы понять причины всего этого безволия и слабости. Причины, без сомнения, нравственные.

И одна из важнейших — отчуждение, отсутствие национального единства. Армия состоит из потерянных людей, лишенных внутреннего

родства, взаимного доверия, общих целей и ценностей! Это какое-то человеческое месиво. И надеяться в этой ситуации можно было только на чудо.

4.

В середине октября бои шли уже на историческом Бородинском поле. До Москвы — всего 110 километров. К этому времени наши потери настолько громадны, что никакой единой линии фронта и организованной обороны просто не могло быть. И здесь, под Можайском, и на Волоколамском направлении сражались отдельные части, посланные в авральном порядке.

Когда-то, в 1812 году, ситуация была совершенно иной. Да, мы отступали, но на Бородинское поле Кутузов привел боеспособную русскую армию. Он сделал все, чтобы сохранить эту армию. Потому что создать армию в одночасье невозможно. Не надо думать, что это просто вооруженная толпа. Да ничего подобного!

Армия — это организованность и дисциплина, которая поддерживается не криком и матюгами хамоватых генералов, и уж тем более не заградотрядами. Не было в русской армии никаких заградотрядов. За силой и стойкостью национальной армии стоит нечто совершенно другое. В первую очередь — культура и слаженность офицерского корпуса, традиций и высокое сознание солдата как защитника Отечества.

Понятие «Отечество» в данном случае — ключевое. Но в Рабоче-Крестьянской Красной Армии с этим были большие проблемы. Как известно, у пролетариев нет Отечества. А раз так, то в 32-ом году можно было снести главный монумент мемориала на Бородинском поле, уничтожить один из символов Отечества. Теперь монумент восстановлен, но в октябре 1941 его не было.

А всё-таки — что такое Отечество? Об этом нам придется сказать несколько слов. Как бы то ни было, но советско-германская война 1941–1945 годов войдет в нашу историю под названием Великой Отечественной войны. Так вот Отечество обязательно связано с прошлым. Это всё то, что хранится в национальной памяти, то, что мы помним. И только это соединяет нас с народом, с теми, кто жил на этой земле прежде нас.

Отсюда — общая система ценностей, вот это самое главное в Отечестве. За эти ценности, на которых все ещё стоит наша земля,

русский солдат жертвовал жизнью. Только за это, и ни за что иное.

Знаете, перед войной страна распевала такую песню: «Кони сытые бьют копытами, встретим мы по-сталински врага». Что из этого получилось, мы видели.

Но на подступах к Москве мы встретили врага уже по-другому, по-русски. Что-то очень важное произошло в сознании нашего многонационального народа в середине октября 1941 года, очевидный нравственный перелом, опаматование, национальное пробуждение. И война пошла по-другому. Солдаты на подмосковном Бородинском поле воевали уже не так, как под Смоленском и Вязьмой!

5.

Достоевский как-то сказал, что «русский солдат — это эмблема России, подлинный образ её». «Солдат — имя знаменитое», — читаем мы в старом русском военном Уставе. Всё это не просто слова, потому что для огромной страны защита её рубежей и интересов давно стала важнейшим национальным делом. Такова традиция, растоптанная и отброшенная революционной смутой 17-го года.

Осенью 41-го года началось стихийное возрождение этой традиции. С тех пор литература станет искать и проповедовать «правду о войне». Поэт Александр Твардовский в поэме «Василий Тёркин» напишет о том, что на войне не прожить без правды: «Правды, прямо в душу бьющей./Да была б она погуще./Как бы ни была горька».

А между тем никакой особой солдатской, окопной или какой-то иной правды не существует. Есть всего лишь одна наша простая русская правда, за которой стоит колоссальная культурно-историческая традиция. Это почва, без которой русский солдат ни воевать, ни побеждать не может. Он не будет умирать за идеалы III Интернационала и мировой революции. Это стало ясно в первые месяцы Великой войны, и большевистской власти пришлось сразу же умерить свой пыл по части борьбы с Православной Церковью и русской культурой.

Всё остальное — крайне важно, но всё-таки второстепенно. Танки, самолёты и пушки на войне не важнее человека. Как говорил академик Александр Панченко: «Мы можем воевать только за правду, а за неправду мы воевать не хотим и не будем».

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте». Выпуск 48

«История Победы: война историй». — М., 2010. — 80 с.

«Большая война, Великая война: почему переписывается история? Есть ли в истории правда безусловная, или только условная? Есть ли история вообще, или она своя у каждого народа/племени/субъекта? Наша история Великой Отечественной войны и Победы в этой войне». Эти вопросы были предложены для обсуждения на совместном заседании Никитского клуба и ММВБ, посвященном 65-летию Победы, стенограмма которого изложена в данном выпуске НК.

ББК 63.3.(2).622

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 48

«История Победы: война историй»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева

Технический редактор В. Ю. Григорьева

Фото ММВБ

Вёрстка М. Ю. Иванюшин

Подписано в печать 29.06.2010.

Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».

Усл.-печ. л. 12,30. Заказ 04155. Тираж 500.

Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».

125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13

© ММВБ, 2010

© Никитский клуб, 2010